

ДЕВУШКА НЕ НАШЕГО КРУГА

р о м а н

Что бывает, когда
парень-мажор
влюбляется в
красавицу-воровку?

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Анна и Сергей Литвиновы
Девушка не нашего круга

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литвиновы А.

Девушка не нашего круга / А. Литвиновы — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-093817-9

Артём – популярный блогер. Он из хорошей московской семьи, красивый и обеспеченный. Настя – тоже красавица, но она провинциальная девчонка, да вдобавок к тому – воровка. Казалось, что может быть между ними общего? Однако между парнем и девушкой вспыхивает любовь. Та, что не знает преград, ничего не требует и всем готова пожертвовать. Чем может закончиться столь неравный союз? Над парой сгущаются тучи. Родители Артёма, представители высшего общества, твердо намерены помешать браку. В довершение всего по следу Насти уже идет полиция. Однако в прошлой жизни девушки имеется еще одна тайна – та, что может радикально поменять ситуацию...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093817-9

© Литвиновы А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анна Литвинова, Сергей Литвинов

Девушка не нашего круга

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Все персонажи, события и места действия данного произведения являются исключительно вымышленными – хотя, возможно, инспирированы реальными людьми, случаями, происшествиями, путешествиями, разговорами и встречами в различных населенных пунктах России и зарубежья.

Пролог

Москва. Сентябрь 1998 года.

На девятом месяце всегда тяжело.

Как бы ты ни хорохорилась.

Вы, мужики или нерожавшие, можете, для примера, привязать себе к талии огромный шар весом пятнадцать или все двадцать кило и походить хотя бы денек. Поездить в душном метро. Попытаться втиснуться в тесный шоферский отсек «Жигулей»-«девятки».

С таким животом (и общим ослаблением и вялостью организма) хорошо лежать на спине под прохладной простыней. И читать что-нибудь легкое, во всех смыслах, и необязательное. Какую-нибудь Джекки Коллинз в мягкой обложке. «Звезду (прости господи) Голливуда». И еще хорошо, чтобы кто-нибудь приносил тебе свежавыжатый апельсиновый сок. И коль скоро любимый кофе по случаю все той же беременности нельзя – хорошо заваренный чай.

А она бы еще на него – того, кто все это подносит, – ворчала. И даже покрикивала. Что опять пожалел заварки, а сок выдавил с косточками.

Однако беда заключалась в том, что покрикивать ей было равным счетом не на кого. Ворчать – тоже.

Как некому и подносить напитки.

Но отсутствие мужской подмоги и понимания еще можно пережить.

Настоящая беда заключалась в том, что ей негде, в самом буквальном смысле, преклонить голову.

Не имелось не то что прохладных простыней – никакой кровати или дивана не имелось. Хотя бы даже без постельного белья. Можно было, конечно, пристроиться здесь, в запасном офисе.

Офис – громкое слово. Одна комната в доживающем последние дни советском НИИ. Внутри – два щегольских канцелярских стола благородного цвета кофе с молоком, они с Максом купили их в свои недолгие дни блистательного процветания. Один стул, удобное псевдокожаное кресло, компьютер, телефон с факсом и ксерокс. Однако затеваться с ремонтом, даже косметическим, показалось им излишним. Обои оставили старые, от арендодателя, в ужасный розовый цветочек. Занавесочки и карнизы – тоже кошмарные. Скрипучие истертые полы. На столе – стопка бумаги, карандаши в стакане. И справочник, желтые страницы Москвы на девяносто седьмой – девяносто восьмой годы.

Где адрес их тайного пристанища (кстати говоря) ни в коем случае не значится.

Она сперва сопротивлялась и говорила Макс: зачем? К чему тратиться на дополнительную аренду, если они тут и не бывают практически? Приехали пару раз, и то для того (как ей показалось, и правильно, наверно, показалось), чтобы невенчаный супруг овладел ею. Прямо на этом самом кресле, стискивая зубы, когда слышался шум шагов и голоса людей, снующих по коридору.

Совсем ей тогда не до восторгов любви было, в первом триместре. А Макс как с цепи сорвался, склонял ее к плотским утехам всегда и везде. И своего добивался.

Он чертовски настырным был, Макс. Вот и с офисом настаивал: авось да пригодится. Пусть будет запасной аэродром, никому не известный. Оформил аренду на своего школьного приятеля-алкоголика, которого связать с реальными съемщиками было еще постараться.

Она даже взревновала сперва: вьет себе гражданский муж уютное гнездышко для интимных встреч. С ней он это местечко как раз опробовал, а теперь пустится во все тяжкие. Будет сюда баб водить. Она ему про свои подозрения мягко намекнула – а он расхохотался: да ведь квартира для интима удобней, разве нет? Зачем для утех *офис* снимать? В частном секторе куда как комфортабельней можно устроиться!

И впрямь – в офисе предаваться любви комфорта мало: полежать спокойно негде. Помыться – тоже. В тот их единственный раз пришлось, фу, туалетной бумагой вытираться.

А если скрываться, пересидит она здесь хотя бы пару дней? Ладно без кухни, питаться можно выходить в столовку, оставшуюся от НИИ на первом этаже. А как прожить без ванной? Без кровати? Спать в кресле? Или на полу?

Спасибо, что хоть крыша над головой имеется. Приют убогого чухонца. Остается только задуматься: вот Макс, он что, изначально планировал, что у них все так закончится? Вся любовь и весь бизнес? И он именно для подобного случая запасные аэродромы себе налаживал? Или все-таки сыграла свою роль его врожденная осторожность?

Осторожность и подлость?

Да-да, как она ни защищала Макса перед собой, ничего не оставалось делать, кроме как признать: а ведь он настоящий, получается, натуральный подлец. А как еще назвать мужика, который в самый критический момент совместной жизни вдруг р-раз – и линяет? И даже не удостаивает объяснения? Просто, сволочь, оставляет на кухонном столе записку: дорогая, мне срочно надо уехать, как обустроюсь, дам о себе знать, а ты меня не ищи – глупо, бесполезно, все равно не отыщешь.

И – исчезает. И – бросает ее. На девятом месяце беременности, с их совместным ребенком в животе. И – с многомиллионным долгом.

Конечно, Максик знал, чувствовал, куда дело катится! Она и сама, после того как в августе правительство «киндер-сюрприза» Кириенко объявило дефолт, понимала: в ситуацию они попали аховую. Почти безнадежную.

Но она-то готовилась к борьбе и планировала: они с Максом будут сражаться и выпутываться – рядом, вместе, плечом к плечу. Поддерживая друг друга.

Но Макс, оказывается, вынашивал иные планы. Он, мерзавец, просто бросил ее. Благородно оставил здесь, в Москве, заставив одной справляться со всем, что на нее навалилось: и с будущим ребенком, и с миллионным долгом.

А сам... сам он теперь где-нибудь далеко, в теплых краях. На Карибах или Багамах. Сидит, подонок, с коктейлем, развалившись, у бассейна.

Если у него хватило подлости ее кинуть – можно не сомневаться: значит, хватило мерзотности втайне припрятать себе деньги на черный день. Значит, он всегда вел двойную бухгалтерию? Постоянно обманывал? Ведь она в их совместной фирме исполняла роль главбуха – и как только прошляпила, проворонила?

Стало невыносимо себя жалко, и слезы снова закапали, потекли по щекам. Она рыдала тихонечко, чтоб не слышали снующие по коридору.

Потом, когда плакательный пароксизм прошел, стало легче. Но она даже платок в сумочку забыла положить, убегая сегодня из дому после *того звонка*. Пришлось вытирать слезы туалетной бумагой – тем самым рулончиком, что они с Максом привезли сюда, вместе со всем необходимым, «на новоселье». Как давно это было – хотя, казалось бы, полгода назад, в марте. И насколько другим тогда казалось! Веселым, безоблачным, бесшабашным! Полным надежд и радужных упований!

Впору было снова захныкать. Но слезами, как известно, горю не поможешь.

Надо думать, как спастись. Спасать себя – и ребенка. Который, словно почувствовав ее отчаяние, как раз начал в ее чреве радостно кувыркаться, лягаться, стучаться изнутри. Будто говорил: эй, мамаша, вспомни и подумай обо мне. Теперь я, что бы ни случилось, главная твоя величина, основная твоя забота.

«Ты меня слышишь, маманя? Все будет о'кей?»

Да-да-да. Главные жизненные вопросы ей теперь будет задавать ребенок. И потому ей следовало что-то срочно придумать. Прежде всего, где рожать. Для *тех, кому они с Максом должны* и кто поставил их на счетчик, нет ничего проще пробить все московские роддома, да и

подмосковные тоже. И встретить ее на пороге в день выписки, выходящую из ворот с сопящим сверточком: «Это мы, здравствуйте, где там наши денежки?»

Ехать домой, к матери, – тоже не вариант. И дело, конечно, не в том, что мамаша знать не знает, ведать не ведает о ее положении – ничего, перетопчется, а может, даже обрадуется будущему внуку или внучке. Беда, что *они* ведь и мамкин адрес в два счета могут пробить и туда наведаться.

По той же самой причине решительно не годятся и заведшиеся в Москве три-четыре подружки по институту, и бедный, беззаветно влюбленный в нее Кирюшка.

Оставалось одно: бежать куда глаза глядят. Страна у нас, слава богу, большая. Ткнуть пальцем в карту – хорошо бы целить в большой город, желательно «миллионник», чтобы родовспомогательная советская медицина еще не успела там развалиться. И уехать в глушь, в какую-нибудь Самару, Казань или Нижний Новгород. Или Новгород Великий. Или даже Петербург – а почему нет? Чем плоха Северная столица?

Причем бежать надо не на машине, конечно. На авто *они* вычислят ее на раз. Как ни жалко бросать любимую подружку-«девятку», но пусть она остается там, где стоит, – во дворе ее дома в Спиридоновском переулке. *Их с Максом* дома. *Бывшего* дома.

Поездом и самолетом, по причине конспирации, ехать тоже нельзя.

Значит, остается брать машину напрокат. Прокатный сервис в России – он пока, конечно, совершенно не развитый. Операцию надо будет провернуть частным образом, втихаря, не оставляя следов. Найти частника, чтоб продал ей машину без оформления – просто написал на нее доверенность с правом продажи. А она сядет и прямо после покупки покатит в глубь страны.

Да, может, и хорошо, что настоящего проката лимузинов, с предъявлением паспорта, прав и кредитки, в стране пока что нет. И сразу вспомнилось, как они с Максом мечтали, что когда-нибудь, когда по-настоящему встанут на ноги, откроют подлинный «рент-а-кар», как на Западе.

И гостиницу собственную заведут. И ресторан. И загородный дом отдыха на озере, с пляжем, сауной, лодками и великами.

Однако теперь, вместо того чтобы реализовывать столь далеко идущие *совместные* планы, приходится ей *одной* скрываться в запасном офисе, на резервном аэродроме (как Макс говорил).

Не плакать, только не надо плакать!

Лучше строить свой собственный *запасной план*: предпочтительней все-таки не покупать авто, а договориться с каким-то таксером, водилой-бомбилкой. Пусть везет. На это денег точно хватит. Слава богу, у нее тоже хватило ума оставлять заначку на черный день. Но если Макс экономил, по всей видимости, по-крупному – настолько, что ему хватило слинять с концами, как припекло, – то она собирала по-маленькому. Думала, дура, сделать любимому подарок – у него как раз в феврале день рождения, – собрать ему на иномарку. Что он все у нее «девятку» одалживает? Или, в особо крутых случаях, когда пыль в глаза надо пустить, «мерс» с шофером арендует?

Семь с половиной тысяч долларов у нее набралось. Да, хватит доехать до Питера (или даже до Казани) и обустроиться: и родить, и на первое время.

А дальше она что-нибудь придумает.

Как говорится в ее любимой книге, «я подумаю об этом завтра».

Поэтому надо не засиживаться здесь, в никчемном и дурацком офисе, а воспользоваться здешними коммуникационными возможностями – телефоном, факсом и новой игрушкой – Интернетом, чтобы найти, и немедленно, прямо сегодня, водителя с машиной, чтобы тот отвез ее... Отвез – куда?

Куда-нибудь в совершенно случайный город, где она даже не бывала раньше никогда и где ее никто не знает и она – никого.

И там она все, даст бог, начнет сначала.

Шаги по коридору вдруг остановились возле ее двери.

Две пары мужских шагов.

И тишина. Ни стука, ни голосов. Ей почудилось?

А потом в дверь забарабанили – коротко, но властно.

И раздался голос.

Тот самый голос.

Мужской, решительный, с усмешливыми обертонами и интонациями:

– Эй, красавица! Открывай давай! Я знаю, ты здесь! Не испытывай наше терпение! Третий этаж, все равно в окошко не выпрыгнешь. Да еще с пузом таким. А нам поговорить надо. Деловое предложение имеется.

Она сжалась и, как загипнотизированная, слушала голос и смотрела на дверь.

– Вскроем сейчас замок к чертовой матери. Хуже будет.

– Я милицию вызову.

– Очень-очень глупо будешь выглядеть. Открывай. Клянусь, никаких утюгов и паяльников. Войдем, как говорится, в твоё положение. Просто поговорим. Давай, открой, красоточка, ну!

И она ему отворила.

Первым в комнату вошел Тамерлан. Шкаф-телохранитель, не обращая никакого внимания на женщину, будто ее и не было тут вовсе, осмотрел комнату: что за дверью, за окном, даже под столы глянул. А после – вышел. И дверь за собой прикрыл. Но оставил в комнате второго. Своего босса.

Заимодавца и кредитора.

Выглядел тот, как типичнейший новый русский – персонаж, который к тому времени, девяносто восьмому году, постепенно уже начал исчезать, линять, приспосабливаться к меняющимся условиям. Многих из тех, кто царил и властвовал в самом начале девяностых и кого газета «Коммерсант» первой прозвала «новыми русскими», к концу десятилетия поубивали, кто-то безвозвратно уехал. Иные цивилизовались, стали одеваться со вкусом. Но для типа, вошедшего сейчас в офис, время словно остановилось. Малиновый, да, пиджак; по перстню с печаткой на каждой руке, золотой «Роллекс» на одном запястье и золотой же браслет – на другом; брутальная небритость, живот и пацанская походка – таков был портрет того, кто явился сейчас к ней.

Но главными в его внешности, безусловно, были глаза. Абсолютно холодные, безжалостные – глянешь, и сразу возникает мысль, что их обладатель способен убить. И наверное, *уже убивал*.

Вот у кого она оказалась в полной власти.

– Че, побегать решила? – с некой даже долей сочувствия проговорил кредитор и хохотнул: – Пуля догонит. Далеко собралась? – Он кивнул на чемоданчик, который она пристроила у тумбы письменного стола. – Или здесь, прямо в офисе, зимовать решила?

– Как вы меня нашли? – ошеломленно проговорила она – потому что, во-первых, и впрямь было непонятно как; а во-вторых, почему-то ей подумалось (и даже с некоторым злорадством, но отнюдь не с жалостью), вдруг кредитор скажет: а мы, мол, твоего хахалю Макса отыскали, и он нам тебя выдал. Чтобы не одной пропадать! Чтобы и Макс теперь покрутился!

Однако «новый русский» произнес иное:

– Смотри и учись. Даю тебе урок. Знать надо такие вещи. А то бизнес... называешься, мля, вумен, а таких элементарных понятий не ведаешь.

Он без спроса засунул лапу в ее сумку. Вытащил оттуда сотовый, недавно купленный за большущие деньги, – огромный лопатник, мобильный телефон «Нокиа» величиной с добрый кабачок.

– Местонахождение такого телефона вычисляется на раз. Триангуляция называется. – Ученое заморское слово «триангуляция» «новый русский» проговорил с очевидным удовольствием. – Так что, если хочешь от кого шухариться, первым делом от мобилы надо избавиться – поняла, крошка?

И он повертел в руках ее телефон, проверил табло последних вызовов – а потом, ничего интересного, видимо, не обнаружив, сунул, как собственный, во внутренний карман пиджака. Безо всяких пояснений.

– Ладно, «тайм из мани», как говорят наши друзья американе, – промолвил заимодавец. Английскую поговорку, с чудовищным акцентом, он также произнес с видимым наслаждением: мол, я хоть из простых и провинциал, в столицах не проживаю и не обучался, однако тоже не лаптем щи хлебаю. – Поэтому не буду сопли жевать и задавать тебе бессмысленные вопросы. Скажу предельно конкретно. Ситуация у нас с тобой такая. Ты со своим сожителем должна мне денег. Сожитель твой скрылся в неизвестном направлении. А ты, овца, по его долгу передо мною ответить не можешь. Правильно я обрисовал?

Он сделал паузу, однако она ничего не ответила. Хотела заплакать, но слезы не шли, да и все равно, понимала юная женщина, этим делу не поможешь.

– Все правильно, – удовлетворенно сказал сам себе «новый русский». – А ты молчишь, потому что че говорить-то! Денег у тебя не имеется. Есть только товар, который ты, в условиях наступившего кризиса и резкого падения спроса, будешь реализовывать до мамонтовых костей. А мне бабло нужно не завтра, а сейчас. Кроме товара, который неизвестно, когда продашь, другого имущества у тебя нет. Барахло, что здесь имеется, да и в основном офисе пылится, я, конечно, заберу. И «девятку» твою тоже реквизирую. Хотя все это копейки стоит. Писи крошки Хаси. Жилья у тебя нет, квартира съемная. Двушка твоей матери в Таганроге, тридцать два квадратных метра, мне даром не нужна.

Она была ошеломлена. Подумать только! Бандит (или бизнесмен?) узнал всю ее подноготную – и про «девятку», и про маму, и про их несчастную таганрогскую панельную двушку в хрущобе.

– Че делать-то будем, крошка? – с элементом сострадания переспросил он.

– Я отдам, – безнадежно пробормотала девушка. – Макс вернется, и мы все отдадим.

– О, то ли вернется, то ли не вернется, а скорее не вернется, я тебе что, петрушка – ждать и надеяться? Не-ет... – Кредитор сделал театральную паузу. – Счетчик-то тикает. Проценты растут. И вот в счет своего долга ты, крошка, отдашь нам самое дорогое, что у тебя есть. И это не честь девичья – откуда у тебя *целка-мудренность* возьмется, на девятом-то месяце! – Он заржал, сам довольный собственной шуткой. Она молчала.

– НО! – Кредитор воздел два пальца, указательный и мизинец, в бандитскую козу-дерезу (сверкнул перстень с бриллиантом). – Имеется у тебя и сейчас кое-что, чем можно умело распорядиться. – И бандит указал перстом на ее живот.

Прошло двадцать лет. Наши дни.

Бывает на южных курортах благословенное время, когда поток туристов слабеет, солнце не жжет, а ласкает, а море лежит такое теплое-теплое и тихое-тихое, словно решило напоследок, перед штормами, убаглотворить вас и умиловить по полной программе.

Именно в такие дни, называемые по старинке бархатным сезоном, две юные девушки задушевно беседовали в съемной сторожке, расположенной на краю приморской поселковой усадьбы. Несмотря на распахнутое окно, вряд ли кто мог слышать их диалог. Собственница, предоставившая им кров по сходной цене, ютилась в избенке на другом краю участка, да

и вообще была глуховата. Кроме того, шаги (хозяйки или любой другой персоны) задолго стали бы слышны постоялицам – садовая дорожка, ведущая к домику, вся была усеяна ранним листопадом ореха и черешни, а с противоположной стороны строение ограждали непролазные заросли заброшенного виноградника. Поэтому обе квартиросъемщицы могли быть вполне откровенны, не боясь чужих ушей.

О чем могут шептаться юные девы? Да на курорте, да в бархатный сезон?

Конечно, о мужчинах, скажете вы – и ошибетесь.

– Сколько нам еще надо будет, как думаешь?.. – спросила одна и сделала паузу, словно не решаясь выговорить вслух: надо будет – чего? Но товарка поняла безо всяких пояснений:

– Еще три дела, максимум четыре.

– А потом?

– Суп с котом.

– Нет, правда? Что мы будем делать потом?

– Уедем.

– Куда?

– Не куда, а откуда. Отсюда! Из этой гребаной провинции. Из этой глупости, пошлости, наглости!

– Хорошо, я согласна. Но уедем – куда? В Москву? Фу, *зашквар*!¹ В столице те же глупость и хамство, только *жиза* еще суетливее. Люди бегают гораздо быстрее, чем здесь. И кидают друг друга чаще.

– Да, в Москву ехать – это пошло. Мы че, чеховские, блин, три сестры? – Девушки, несмотря на молодость, далеко не богатый антураж, окружающий их, и современный жаргончик, демонстрировали в разговоре явную эрудицию. Да и вообще производили впечатление девочек грамотных, начитанных. – Предлагаю целить на два варианта. Первый такой. Поедем мы на тропический остров, будем там валяться с коктейлями и подманивать крутых и состоявшихся перцев. А потом выйдем замуж за папиков-миллионеров и будем жить на все тех же тропических островах, причем вечно. Лет через двадцать бессмертие уже изобретут. Не для всех, конечно, а только для богатых. И мы будем в их числе.

– Красиво, но очень скучно. А второй вариант?

– Нарубим бабок и поступим в крутой западный универ. С нашими-то мозгами – в два счета! Окончим. Сами пробьемся. Зато никакие папики нам не будут нужны. Найдем себе каждая по *сасному куну*². И уж тогда будем бездельничать на тропическом острове!

И они обе залились громким и почти беспричинным смехом, каким могут смеяться лишь юные девы, каковыми две эти особы и были.

Так как они обе станут главными героинями нашего романа, позвольте вкратце представить их.

Далеко не нами первыми замечено, что в каждом человеческом дуэте один обычно является ведущим, другой – ведомым, кто-то исполняет первую скрипку, другой – подыгрывает. Так и в этой паре. Та девушка, что в ходе вышеприведенного диалога в основном задавала вопросы и подлаживалась, звалась Юлией и играла в отношениях как бы роль второго плана. Внешне была она чернявенькой, загорелой брюнеткой, по сложению довольно плотной – типичной южанкой, кубанкой, казачкой. Она твердо стояла на ногах и не чуралась любой работы, о чем свидетельствовали ее мощные лодыжки и икры, а также кисти рук. Но, несмотря на приземистость и своего рода почвенную укорененность (а может быть, благодаря им), она была хороша

¹ Здесь и далее героини порой изъясняются на современном молодежном жаргоне. Зашквар – нечто крайне непривлекательное.

² Кун – парень, мальчик. Сасный – привлекательный, сексуальный.

– как хорош только что распустившийся южный цветок или даже целый куст красивейших бутонов: соболю брови, нежные щеки, большой красный рот.

Вторая товарка, словно специально в противовес первой, была тоненькой, беленькой, худенькой, даже хрупкой. Узкие кисти, узкие щиколотки, тонкие черты лица. Однако, невзирая на внешнюю субтильность, именно ей в этом девичьем дуэте принадлежала первая роль. При том, что красивы были обе и каждая по-своему; беляночка, в отличие от товарки, владела искусством (почти утраченным в наше измученное феминизмом время) сводить с ума любого или почти любого мужчину – своими взглядами, смехом, интонациями, касаниями, жестами. (Разумеется, эта ее способность проявлялась не сейчас, в тот момент, когда девушки были одни, а при появлении на горизонте сильного пола – причем включалось в ней это природное кокетство безо всякого принуждения, бессознательно, автоматически.) Звали беляночку Анастасией.

Следует заметить в скобках, ее лидерство (в данном дуэте и вообще по жизни) отнюдь не означало, что она умнее своей подружки. Как известно, «руководитель» и «ума палата» – далеко не всегда синонимы. Черненькая, Юля, и знала больше, и соображала быстрее – однако все равно предпочитала держаться в тени своей менее подкованной, но бойкой подруги.

И еще: посторонний наблюдатель, случись ему заглянуть в каморку, что делили подружки, наверное, немало подивился бы тому обстоятельству, что девушки называют друг друга «сестрами». Более того! Сестрами обе числились и официально, по документам! И это несмотря на то, что внешне меж ними не существовало, казалось, ничего общего – кроме очевидной молодости и красоты. Но красота эта, подчеркнем еще раз, была у каждой совершенно особенного, своего рода. Да, розочка и беляночка. Брюнетка и блондинка. Приземленная и воздушная... Однако своего формального родства и того, что они приходятся друг другу сестрами, девушки при посторонних не афишировали. Не то чтобы стеснялись – просто зачем болтать, только лишние расспросы вызывать. Правда, относились друг к другу уважительно и доверительно – еще более внимательно, чем порой настоящие родные люди.

Вот и сейчас беседовали они друг с другом в совершенно задухованном тоне, при том, что домик, который глухая бабка сдавала нетребовательным курортникам, мало располагал к подобным беседам. Да он и вообще мало к чему располагал: пара убогих кроватей, хромая тумбочка, косая пыльная люстра, зеркало с выцветшей и отслоившейся амальгамой – вот что представляло собой убранство комнаты. (Туалет и душ находились во дворе; под навесом располагалась также импровизированная кухонька со столом, покрытым грязной клеенкой, и плиткой, куда подавался газ из баллона.) Однако девушки не замечали всей бедности обстановки – возможно, в силу возраста или, быть может, привычки к существованию в подобных условиях – и продолжали секретничать, каждая лежа на своей кровати и обернувшись лицом друг к другу.

– Скажи, Настька, а ты боишься? – спросила вдруг Юля (черненькая, ведомая).

– Боюсь – чего?

– Ну как – чего? Что нас схватят, поймают, осудят.

– Даже не думаю об этом.

– Ты серьезно?

– Да нет, конечно, глупая. Боюсь, куда без этого. А больше всего маму жалко – как она соседкам нашим гребаным в глаза смотреть будет? Ну а что нам еще делать, Юлька? Десятирублевые монеты из магазинных тележек в «Магните» воровать, как Стас?

– Ну, мы ведь неплохо учились... Пошли бы дальше...

– И что? Ты бы кончила вуз и из провизоров дослужилась до фармацевта? Ага, впечатляющая карьера – с двенадцати тысяч перейти на восемнадцать!

– Замуж бы вышли... – неуверенно проговорила Юля.

– За кого ты в нашей дыре выйдешь?

– Это правда, – вздохнула черненькая, – у нас, если не алкаш и жену не *панчит*³, уже принц на белом коне.

– Зачотно замечено. Поэтому давай, моя *тяночка*⁴, много не думай и не хандри. Настрой на позитив – и вперед, без страха и сомнений.

А дальше девушки вскочили со своих лежанок, и в домике началась подготовка к вечернему выходу – казалось бы, простое, хотя интригующее и упоительное действо: примерка одежды, причесончик, макияж.

Но почему тогда обе девы собираются столь сосредоточенно, будто готовятся не прошвырнуться по вечерней набережной и, может быть, выпить по коктейлю в кафе, а по меньшей мере к представлению, где обеим уготовано блистать в главной роли? Почему они собирают в сумочки – вроде бы дамские, однако чрезмерно большие – *все* свои вещи из домика? И почему у них – довольно продуманно – настолько мало поклажи? Все шампуни и кремы в одноразовых мини-упаковках; блузочек, маечек и кофточек – по минимуму, приходилось даже подстирывать, подглаживать по ходу пребывания на курорте. И почему девчонки столь тщательно проверяют, ничего ли они не забыли в избушке? Но при этом не докладывают хозяйке, что съезжают, и с ней не прощаются? И зачем, наконец, одна из них, черненькая Юлия, сует вовнутрь сумки лэптоп?

И почему, спрашивается, обе они тщательно протирают все вещи и ручки в покидаемом домике – чтобы не оставить невзначай свои отпечатки пальцев?

* * *

Спустя час юные прекрасные особы уже шагают по вечерней набережной в курортном поселке, называемом немного странным именем Каравайное.

Надо заметить, что топонимика их родного Кубанского края весьма разнообразна. Здесь имеются названия, сохранившиеся с периода турецкого владычества: Джубга, Бжид, Текос; есть и те, что связаны со временем освоения региона Российской империей: станицы Динская или Кушевская; и, наконец, сугубо советские имена – скажем, город Кропоткин. Присутствуют и романтические прозвания непонятно какого периода – из серебряного века вынырнувшие, что ли? Например, приморский поселок Криница. Или вот это – Каравайное. Почему Каравайное? Кто и кому пек здесь каравай? Бог весть.

Не знали об этом и наши девы, шли себе вдоль ласкового моря, где еще резвились на закате последние купающиеся.

Обе перед выходом слегка подкрасились – но чуть-чуть, чтобы не выглядеть вульгарными. Обе в хлопчатобумажных брючках и удобных босоножках на низком каблуке. Они не делают ничего, чтобы выглядеть особенно приметными, однако очарование юности столь велико, что обе невольно обращают на себя внимание окружающих.

В первую очередь, конечно, девочки имеют успех у особей мужского пола.

Прежде всего, как и положено обладателям южного темперамента, их перехватил молодой кавказец, в белых штанах, черной рубашке навывпуск и черных туфлях с загнутыми вверх носами, словно у падишаха.

– Ай, какая красавица! – заблажил он, адресуясь к черненькой Юлии, но при этом как бы имея в виду находящуюся рядом не менее прекрасную блондинку Настю. – Поедем, покажемся, шашлык будем кушать, домашним вином запивать – а если захочешь, свадьбу сыграем, сейчас немедленно, ту женщину, что загсе сидит, вызовем, распишет нас навсегда, на веки вечные!

³ *Панчить* – цеплять, гневно ругать, а то и бить.

⁴ *Тян, тяночка* – молодая девушка.

Юля вроде бы хотела вступить с южанином в игривый диалог, но блондинка Настя (которая, как мы помним, являлась ведущей в их паре) безапелляционно отшила южанина: «Отвянь, чернобровый!» – и утянула подружку за собой.

– Ты чего? – зашипела на нее товарка. – Клюет же!

– Ага, только у этого джигита из имущества – одна «шестерка» ржавая, а если ему вдруг дорогу перейдешь, тебя весь аул, если не вся их республика разыскивать будет! Пошли уже!

И они продолжили свое фланирование по набережной.

Море было великолепно: тихое-тихое и даже на вид теплое. То там, то здесь с пляжа доносились радостные выкрики купальщиков. Иные даже в волейбол в теплой воде играли.

О состоянии морской глади здесь рассказано не для красного словца и не для того, чтобы в духе писателей девятнадцатого века подпустить пейзажу. В довольно скором времени это сыграет важную роль в нашем сюжете.

* * *

И вот мы видим наших юных героинь, Настю и Юлю, за столиком в приморском кафе. Стемнело.

Девушки потягивают коктейль – каждая свой. Однако *внимательный* наблюдатель мог бы заметить, что ни сейчас, ни в дальнейшем красотки алкогольных напитков не пьют, только делают вид – похоже, требуется им для чего-то сегодняшним вечером полная ясность и трезвость ума. Но дело заключается в том, что никаких внимательных наблюдателей вокруг нет – ни единого, кто тщательно следил бы за поведением парочки. Все, кто пребывает вокруг них в кафе, включая обслуживающий персонал, находятся в том или ином градусе подпития.

На импровизированной эстраде, небольшом возвышении, наигрывает на синтезаторе музыкант. Немолодой интеллигентнейший армянин в черных очках (несмотря на вечер), весь седой и с длинными пальцами. Удивительно, что он не лабает популярные шлягеры, а тихонько ведет джазовые импровизации. Играет хорошо – это понимают даже наши девушки, Настя и Юля, которых никто, увы, не учил музыке, но которые от природы обладают хорошим чутьем и тягой к прекрасному. Казалось бы, что делать музыканту столь высокого уровня в занюханном, провинциальном, курортном кабаке, да не в сезон? Однако ответ на этот вопрос немедленно выдает испитое лицо тапера и стоящий рядом с ним бокал, вроде бы с пепси, из которого пианист время от времени прихлебывает.

Народу в кафе немного – но все равно, в силу юности и красоты, девушки находятся в центре внимания.

Дебелая курортница за соседним столиком втихаря злится на мужа – тот, пузан в майке-алкоголичке без рукавов и в шортах, нет-нет да устремит на юниц свои безнадежные слюнявые взгляды.

Пьяная компания за соседним столиком (две семейные пары) красоток даже вслух обсуждает, причем сильный пол, разумеется, опасливо восхищается девицами, а дамы поносят и злятся. Долетает:

– Проститутки, прошмандовки...

– Но какие хорошенькие. Ты, Вер, такая же в молодости была...

– Ой, заткнись, пожалуйста, идиот!

Но главное внимание обращает на молодич как раз тот, кто имеет на это право. И кому девушки нет-нет да пошлют в ответ кокетливые взоры (особенно это удастся беленькой и главной, Анастасии). Барышни заигрывают с ним потому, что, во-первых, он сидит за столиком в полном одиночестве; во-вторых, ему около сорока; и, в-третьих, он имеет все приметы человека состоявшегося – во всяком случае, как это понимается среди нестоличных мужичков, выезжающих отдохнуть на курорт в одиночестве, без своей половины. Выглядят символы

успеха следующим образом: наглаженная белая рубашка; неброская, но весомая золотая цепь, проглядывающая в вороте; изрядной величины борсетка, водруженная на стол.

На курорте он недавно – об этом свидетельствуют красные, обгорелые на солнце лицо и руки.

Дядя попивает коньячок, но очень умеренно – цедит вот уже полчаса напролет единственный бокал.

В отношении девиц он принимает решение довольно быстро и не церемонится – через официанта отправляет к ним на столик бутылку шампанского. Не французского, конечно, такого в заведении не водится, а «Абрау» – однако мужик, совершив даже подобную, весьма умеренную трату, преисполняется важности. Официант церемонно открывает для девушек бутылку шипучки, разливает по бокалам. В ответ на немой вопрос Насти выразительно указывает столик, откуда пришел дар. А когда удаляется, младшенькая (не только по возрасту, но и по роли), Юля, мимоходом спрашивает, загородив рот, одними губами:

– Не мент?

– Не похож, – также безмолвно отвечает Настя, – а там посмотрим.

А спустя минуту мужчина решает совершить кардинальный шаг: подходит к таперу, что-то шепчет ему в ухо – тот кивает – и сует ему пару сторублевых купюр в нотную тетрадь. Музыкант начинает наигрывать древнюю, как он сам, мелодию Джо Дассена.

Кадрящийся мужик лихо преодолевает дистанцию до столика девушек и приглашает – разумеется, Настю, которая сильнее, чем подруга, поднаторела в искусстве кокетства.

Из-за столиков на них смотрит публика: мужчины – с нескрываемой завистью по отношению к ловеласу, женщины – с ненавистью по части девушки. До Насти доносится шипение: «Женатый ведь наверняка человек!»

Танцует ухажер плохо. И ростом он даже на пару пальцев ниже девушки – если бы она каблучки надела, вообще был бы на полголовы, – но ей с него воду не пить.

Она вообще надеется, что танцует с ним первый и последний раз в жизни.

И ухаживает он в стиле дурно переваренных советов, что дают пикаперам мужские журналы – Настя их почитывает, чтобы, так сказать, знать врага в лицо. Вопросы, адресуемые ей, он ставит в открытой форме, чтобы девушка не могла с ходу выпалить «да» или «нет». А вот руки у него властные и требовательные – как положил одну лапищу на талию, а другую на бедро, так хрен когда отпустит.

– Как вам нравится здесь осенью?

– Неплохо.

Девушка не расположена откровенничать: много говорить – невольно выдавать лишнюю информацию.

– Вы в санатории остановились или в частном секторе? – напирает мужик. А вот этот вопрос – уже не в бровь, а в глаз. Подразумевается: а могу ли я к тебе, крошка, наведаться?

Настя глуповато хихикает и отвечает вопросом:

– А вы?

– Я в санатории. Совсем один.

Санаторий тут, в курортном местечке, единственный. Девушки заранее пробили-прокачали его по Интернету. Слава богу, ведомственная принадлежность всероссийской здравницы – никакая не ФСБ, или налоговая полиция, или МВД. Силовиками не пахнет. Отдыхают тут госслужащие среднего ранга, для них путевки раздаются с огромной скидкой, за двадцать процентов цены, а то и вовсе бесплатно – и это при том, что они и так нашу кровь пьют и как сыр в масле катаются.

Девушка снова хихикает. Молчать, кокетничать, смеяться: что еще нужно, чтобы заполучить мужика, тем более на курорте?

– Ну, так скажи: где ты обретаешься? – напирает он. – Что-то я тебя в нашей богадельне не видел.

– Мы с подружкой отдыхаем в частном секторе, – отвечает Настя и тут же добавляет, якобы безо всякого умысла: – Только у нас хозяйка страшно строгая, сразу сказала: никаких гостей, тем более мужчин.

От прозвучавшего в ее речи завуалированного как бы предложения самец немедленно воспаляется, нечто твердое упирается Насте в бедро. Но это шалишь – не время пока, не место. Она отодвигается.

– Я приду к вам. В смысле – для начала за столик.

И он впрямь провожает, как джентльмен, красотку на место и усаживается рядом.

Недопитый бокал с его стола незамедлительно притаскивает официант, быстро оценивший смену диспозиции, – видно, хорошо мужик его подогрел или посулил.

В то время, когда мужчина подходит и усаживается, Юлька тайком делает на свой телефон не меньше десяти фотографий: рука у нее наметанная, много раз они с Настькой тренировались, да и трижды на дело выходили – один раз, правда, в итоге сорвалось, но и слава богу.

Они знакомятся.

Дядьку зовут Слава. Немолодой и некрасивый, с залысинами. Интересно, он понимает, что за любовь надо платить, или искренне считает, что девушки ведутся на его могучий ум и неземную красоту?

Выпивают за знакомство – того шампанского, что преподнес им минутой ранее кавалер. Внимательный наблюдатель, повторимся, оценил бы, что молодницы алкоголь лишь пригубляют, – но мужик, вставший на путь гона, прозорливостью не отличается.

Теперь надо выяснить то главное, что девушек в клиенте интересует. После этого станет ясно, стоит ли вообще иметь с ним дело.

– А вы откуда, Слава, к нам прибыли? – Кокетство, с каким Настя задает вопросы, легко искупает их личный характер, и собеседники обычно не замечают подвоха, они слышат лишь ее нежный голос, видят тонкие пальчики, игриво теребящие собственные локоны, и потому теряют осторожность. Да и вопросы выглядят невинными.

– Из N. – Он называет областной город в Центральной России. Слава богу, что не Москва. С москвичами девушки стараются дел не иметь. Слишком много гонору, связей и возможностей.

– На самолете к нам прилетели?

– На машине.

Вот это то, что нужно.

– Покатаешь?

Вопрос не в бровь, а в глаз, поэтому Слава сразу воспаляется:

– Поехали!

– Ну, подожди, еще не вечер, мы недопили, к тому же вон Хачик как старается, – кивок в сторону музыканта, – пошли лучше еще потанцуем.

И она выскальзывает из-за столика и тянет вялую тушку танцевать.

Черненькая Юля, вторая скрипка, в диалоге не участвует. Сейчас она и вовсе подхватывает свою сумочку и идет в сторону туалета – обычное дело, поправить, так сказать, прическу, – правда, девушки обычно удаляются вместе, но нынче не тот случай.

Борсетка нового знакомого остается лежать на столе, и мужчина, вальсируя с Анастасией, на нее нет-нет, а ревниво поглядывает.

Юля закрывается в кабинке, вытаскивает из сумки лэптоп, подключает к нему телефон, а потом открывает вай-фай. Сигнал в кафе хороший, а пароль они разузнали еще вчера, когда только приехали в городок и осматривались.

Девушка загружает в компьютер со своего телефона фотки нового знакомого, которые только что сделала. Три из них вышли смазанные, зато остальные ничего.

Юля включает программу распознавания лиц. Не может быть, чтобы, по нынешним цифровым временам, чувак нигде не засветил свое изображение в Интернете – не совсем старый ведь и вроде не силовик.

Программа ищет. С дикой скоростью мелькают на экране сотни лиц.

И вот, кажется, оно. Вылетает пара десятков почти совпадений, с экрана смотрят мужчинки, чем-то похожие на клиента, но когда девушка задает критерий поиска – «город N», тогда появляется одна-единственная физиономия. Он самый, Славик, только лучше качество, снимок парадный: в костюме и при галстукe – наверное, на пропуск фотографировался. Вот и фамилия: Вячеслав Порфеев.

Юля продолжает поиск. Взломанных и загруженных баз данных в ее компьютере полно. Ориентируется она в них, как в своей собственной комнате. Поэтому довольно скоро отыскивает всю возможную информацию о гражданине Порфееве.

Работает тот в городе N начальником отдела в земельном комитете. А автомобиль у него совсем не соответствует скромной должности госчиновника – в личной собственности джип «Лексус» последней модели, купленный два года назад. Очень хорошо. Надо надеяться, он прибыл из города N сюда, на отдых, именно на «Лексусе».

Лет клиенту исполнилось, согласно Интернету, тридцать девять, но в жизни он выглядит старше – вот что значит нездоровое питание и отсутствие спортивных нагрузок. И разумеется, Славик женат. Он-то в своем аккаунте молчит по-партизански, но супруга не удержалась, вставила его в соцсети два года назад, вместе с активной ссылкой: на отдыхе в Турции. Он, весь такой пузатый, а она, можно сказать, красотка, так и льнет к нему. Зашквар! Что же за бабы-дуры! Да еще и детишек двое: девочке одиннадцать, мальчику восемь, прям образцовая российская семья. Что ж ты взялся, Славик, на курорте кобелировать!

Впрочем, наличие семьи для Насти с Юлей большой плюс – как вот он будет объяснять своей блондиночке и деточкам, *что* с ним на курорте приключилось?

Ладно, пора возвращаться за столик.

Юля сворачивается.

Из кафе все посетители разошлись – сказывается осень. Остались лишь Настя с клиентом. Да музыкант-армянин наигрывает тихонько нечто томное. Если присмотреться, видно, что он сильно набрался, однако многолетняя выучка сказывается, и он почти всегда попадает в ноты.

А за столом господин-товарищ Порфеев по-хозяйски приобнимает Настю, другой рукой тянется к ее груди. Девушка хихикает и вырывается.

– Музыкант! Свадебный марш! – кричит мужчина и швыряет в сторону Хачика тысячную бумажку.

Тот ловит ее на лету и урезает Мендельсона.

Славик кричит «Горько!» и старается поцеловать ухажерку в губы. Она, хохоча, отталкивает его.

Юля садится третьей к ним за столик. Настя исподволь устремляет на нее вопросительный взгляд. Черненькая едва заметно кивает.

Этот обмен сигналами означает: «Все в порядке, можно работать». И тогда Настя обращается к мужчине: «Ты обещал нас покатать». И хоть тот еще ничего не обещал – она сама к нему напрашивалась, – Славик орет на все кафе: «Поехали! Человек, счет!»

Когда он расплывается и они встают, Настя слегка виснет на нем и что-то шепчет прямо в ухо.

Мужчине ее интимное предложение очень нравится. Он осматривает сальными глазками невысокую, но ладную фигурку Юли и вопит: «Конечно, хочу обеих!»

Все трое покидают кафе, причем Славик в центре, он держит обеих девушек за талии и пытается по ходу дела добраться до груди.

Музыкант Хачик (это его настоящее имя) импровизирует, на ход ноги, на основе свадебного марша, и как-то едва заметно мелодия превращается под его перстами сначала в канкан, а потом – в похоронный марш.

Официант, пересчитывая чаевые, беззвучно аплодирует приятелю-музыканту.

* * *

А троица не слышит музыкальных трансформаций, она уже сидит в машине, припаркованной неподалеку. Славик – за рулем. Рядом, естественно, Анастасия. Юлия – сзади.

Машина та самая, что отыскала в Интернете брюнетка: «Лексус»-джип, с номером N-ской области.

– Мы знаем тут, на берегу, чудесное местечко, – говорит Настя. – Очень интимное. Будем купаться.

– Голыми! – ревет мужчина.

Девушки хихикают.

* * *

Через пару минут авто подруливает к круглосуточному поселковому магазину.

Внутрь заходит Славик в сопровождении обеих виснувших на нем девиц.

Сонная продавщица, которая смотрит сериал на маленьком старом телевизоре с выдвинутыми антеннами, злобно говорит:

– Чем вам помочь? – В ее исполнении это звучит как «шли бы вы куда подальше».

– Хочу шампанского, – капризно тянет Настя.

– Три бутылки шампанского, – командует мужчина. – Полусладкого! И коньяк. И конфет коробку, самых лучших!

– И три одноразовых бокала, – подсказывает старшая из девушек. – Мы ведь не звери из горла шипучку тянуть.

– Одноразовых бокалов нет.

– Давайте любые другие, пусть *много*разовые.

Продавщица с ненавистью лезет на верхнюю полку и достает оттуда коробку с настоящими бокалами из прессованного стекла.

Для девушек почему-то наличие бокалов – настолько принципиальный момент, что, если бы их в сельпо не нашлось, у запасливой Юли в объемистой сумке припасено, на всякий случай, три одноразовых пластиковых стаканчика.

* * *

Троица заезжает на полянку рядом с морем.

Славик глушит двигатель.

Темно, тихо, только слышно, как слегка, очень интимно, накатывается на берег водная гладь, шипит, мурлычет, откатывается и снова накатывается: пшшш, шух, пшшш, шух.

– Ну, давайте, девчонки, по рюмочке выпьем – и купаться!

Вячеслав раскрывает коробку с бокалами, откупоривает шампанское. Пробка улетает по дуге, пена стекает по стенкам бутылки.

Мужчина разливает, все трое чокаются.

Порфеев выпивает залпом.

– Ты, Слава, дорожной полиции не боишься – назад в санаторий ехать? – спрашивает Юля.

– А мы здесь и заночуем, – пьяно смеется он.

– Ну, я купаться, – говорит Настя. Она отходит в сторонку, быстренько снимает с себя совершенно всю одежду и бросается в море.

Обуреваемый похотью мужчина тоже скидывает с себя одеяние и в шуме брызг кидается на встречу с девушкой – ее головка белеет довольно далеко от берега.

Теперь – выход Юли. Она не теряется и время не теряет. Сначала достает из машины борсетку Вячеслава. Просматривает. Денег у того немного, тысяч семь. Она забирает их себе. Еще есть кредитки – их девушка не трогает. Просматривает документы: права, паспорт. Да, с программой распознавания лиц она не ошиблась, с базами данных тоже. Их клиент действительно Вячеслав Порфеев, прописан в городе N, женат, двое детей. И машина «Лексус» принадлежит ему.

Со стороны моря, темнеющего вблизи, слышится залиvistый смех Анастасии. Юля оставляет борсетку в покое. Достает из своей сумки небольшой пузырек с какой-то жидкостью и выливает его содержимое в один из бокалов.

В море Славик настигает Настю, она бурно смеется и кричит:

– Ой, осторожней! Ты меня утопишь!

Девушка вырывается из объятий мужчины и бросается к берегу. Плавает она явно лучше его. Мужик кричит:

– Стой! Ты куда? Русалка!

А потом, видя, что не догонит, адресуется к сидящей на берегу Юле:

– Давай ты теперь ко мне плыви!

Она отвечает:

– Я позже!

А вылезаящая на берег Настя кричит мужчине:

– Давай лучше выпьем!

Когда она выбирается, Юля заботливо протягивает ей полотенце и, в ответ на вопросительный взгляд товарки, чуть заметно кивает.

Настя вытирается, заворачивается в полотенце, а другое швыряет выходящему из воды Славику:

– На, прикрой свой срам!

– Никакой у меня не срам, а ого-го!

Он вылезает, вытирается – и тут Настя преподносит ему бокал, тот самый, со снадобьем.

– Ух! Хороший у вас тут сервис! – Он залпом опорожняет содержимое. Потом отшвыривает сосуд, полотенце и начинает жадно обнимать и целовать обнаженную Настю. Та отбивается:

– Давай подожди! Мы же тебе обещали втроем! Давай Юльку позовем, она же обидится! Сидит, бедненькая, в одиночку! – И кричит подруге: – Юлька, Юлька, раздевайся, давай к нам!

Юля никакого желания присоединиться к парочке не выказывает.

А Славик не унимается, насаждает на первую жертву.

– Перестань! – вдруг зло кричит она, отступает и резко бьет мужчину прямо под дых.

Тот изумленно сипит:

– За что?

– Говорю тебе, подожди!

Тот снова приступает к ней, опять начинает обниматься – но вдруг руки и ноги его слабеют, заплетаются.

– Что за черт... – бормочет он, а потом вдруг что-то понимает. Орет: – Ты отравила меня! Отравила! – и бросается на девушку уже отнюдь не с любовными намерениями.

Настя отскакивает. Но мужчина совсем слабеет. Падает, голый, навзничь на траву. Глаза его закрываются. Он еще пару раз дергается, но вскоре замирает.

* * *

Голый мужчина лежит у ног девушек.

Настя заботливо считает ему пульс.

– Ударов сорок в минуту, но наполнение хорошее. Выживет. Будем надеяться, проспит до утра.

Юля прикрывает полотенцем лежащее тело мужика.

– Не надо, – качает головой старшая подруга.

– Что так?

– Если останется голый, сложнее ему будет полицию искать.

Обе хохочут.

Настя одевается.

– Давай его борсетку.

– Деньги я забрала. Кредитных карт полно. Посмотрим, может, он где пин-код записал?

– Не такой же он идиот! И потом, полиция сейчас кредитки на раз отслеживает. Лучше не связываться.

И карточки летят в море. Туда же отправляется и паспорт мужика, Порфеева Вячеслава Тимофеевича, уроженца N, восьмидесятого года рождения.

– Цепуру снимем с него? – предлагает Юля.

Настя морщится:

– Что мы с тобой, мародеры?!

А вот документы на машину Настя сует себе в сумку.

Потом девушки тщательно убирают место преступления. Протирают бутылку от возможных отпечатков пальцев. Ту же операцию проделывают с бокалами. А потом со словами «Прости нас, Черное море!» Настя зашвыривает и то и другое в воду.

Затем, посмеиваясь, закидывает в море телефон гостя, а следом – всю его одежду.

– Вот тебе, парниша, курортное приключение с легкодоступными биксами!

– Причем сразу с двумя!

Совершенно голый мужчина (с одной только золотой цепью на шее) спит, развалясь, на мелкой гальке.

* * *

Шикарный джип «Лексус» несется по пустынному шоссе.

Светает.

За рулем – белокурая бестия Настя. Рядом с нею – черноглазая красотка-казачка Юля. Настроение у обеих самое приподнятое. Они сделали, что хотели.

Сделали – снова. И никто им не смог помешать, и сам черт обеим девахам не брат.

Они наслаждаются дорогой и шикарной машиной. Подпевают песне, которая несется из дорожной аудиосистемы.

Юля спрашивает товарку:

– Скажи, вот откуда у простого начальника отдела какого-то вонючего земельного комитета может быть такая крутая тачка?

– Ты сама знаешь откуда, – усмехается шоферша.

- Ворует?
- Эщкере!⁵ А мы, получается, как тот чувак... Помнишь, фильм был старинный. Еще советский... Как мужик у разных богатеев и торгашей тачки воровал?
- «Берегись автомобиля»?
- Во-во.
- Помню, конечно. Режиссер Эльдар Рязанов, в главной роли Иннокентий Смоктуновский, релиз шестьдесят шестого года.
- Все-то ты на свете знаешь, Юлька.
- Не все, но то, что мне реально интересно, знаю.
- Так мы тоже, как Смоктуновский, у всяких скотов и жуликов ворует машины.
- Только он обычно деньги, что за машины выручал, в детские дома перечислял. А мы?
- А я сирота, – смеется Настя. – Только чудом в детдоме не оказалась. И ты тоже безотцовщина. Вот мы и помогаем обездоленному молодому поколению – в своем собственном лице.

* * *

Совсем рассвело, но еще рано.

На безлюдном шоссе – засада ДПС. У обочины припаркована, как водится, машина. Двое полицейских. Один сидит внутри патрульного авто, второй скучает на обочине. Помахивает палочкой.

Навстречу несется джип «Лексус» с номерами N-ской области. Гаишник оживает. Берет палочку наперевес и преграждает автомобилю путь.

Внутри чужой, угнанной тачки – две красавицы. Лицо водительницы, Насти, мертвеет. Юлия закрывает глаза от страха и шепчет:

– О господи, ну все. Попались!

Настя с ненавистью командует:

– Сиди тихо! Хозяин машины, этот Славик, сто пудов, еще к людям не выбрался. А выбрался – все равно тачку не успели в розыск подать. Поэтому ровно сиди и улыбайся!

Полицейский неторопливо, вразвалочку подходит к водительской дверце. Нет, это совершенно не тот радушный и незатейливый служака, которого в фильме, только что упомянутом девушками, сыграл Георгий Жженов.

Теперешний мент, нынешней российской складки – улыбчивый, непробиваемый, хитрый, пузатый, – кажется родным братом ограбленного чиновника. Он знает, зачем каждый день тянет свою лямку. Ему надо хорошо жить – сейчас. Обеспечить семью, построить добротный дом, выучить и удачно женить дочку. А какими средствами будет благоденствие достигаться: законными, полузаконными, вовсе не законными – дело десятое. Он здесь, на шоссе, поставлен – *кормиться*. И чтобы нарушители боялись – скорость снижали, не носились пьяными. Он ведь не враг себе, своей семье, однополчанам, соседям и однокашникам – преступников за рулем наказывает. Если они, конечно, не в состоянии откупиться. Впрочем, когда они откупаются, это ведь тоже наказание, разве нет? В другой раз трижды подумают, как сесть за руль пьяными или скорость превысить.

Настя опускает стекло со своей стороны.

Полицейский хмуро козыряет, бубнит:

– Старший лейтенант Баранов, ваши документы.

⁵ *Эщкере* (молодежный сленг) – в данном контексте выражение согласия.

Настя лучезарно улыбается. Протягивает собственные права плюс документы на машину, зарегистрированную на Вячеслава Порфеева. Дэпээсник внимательно и хмуро рассматривает удостоверение.

- Кому принадлежит данное транспортное средство?
- Славику, папику моему. Покататься дал.
- Из самой N-ской области катаетесь?
- Нет, мы с ним здесь, в санатории «Южные дали», отдыхаем.
- Полис ОСАГО, будьте любезны.

Вот здесь, конечно, прокол. Никакая Настя в полис Порфеева, разумеется, не вписана. И нет в нем, увы, специальной пометки, что машиной разрешается управлять кому угодно. Поэтому девушка заранее, еще на морском берегу, подготовилась: вложила в свернутую страховку пятидесятитысячную купюру.

Мент берет полис – и вместе со всеми документами неторопливо удаляется к «расписной»⁶ машине.

- Ну все, конец, – шепчет Юля.

Настя цыкает на нее:

- Сиди спокойно и молись!
- Может, бросим тачилу? Выскочим и смоемся? Лес кругом. Не догонят.
- Молчи, дура.
- Или задушим ментов. Обоих.
- Ты совсем ума лишилась? Как ты их задушишь? Двое здоровенных мужиков, с оружием!

- Соблазним. Предложим сексом заняться. А потом, когда они расслабятся...
- Тихо сиди, идиотка. Не паникуй. Все будет хорошо.

Наконец, через несколько минут – показавшихся девицам вечностью – старший лейтенант Баранов возвращается. Не меняя выражения хмурого лица, отдает Насте документы:

- Можете продолжать движение.

* * *

Тем временем рассвет над морем будит наконец Славику, любителя сексуальных утех. Голый, с больной головой, он нетвердо встает на ноги.

Покачиваясь, осматривает и обходит уединенную бухту.

Он лишился всего. Нет ни брюк, ни документов, ни того, чем прикрыть наготу.

Нет и машины.

Загородившись спереди потертым, рваным полиэтиленовым пакетом, который выбросило море, он шлепает, пошатываясь, в сторону дороги.

* * *

А девушки в тот же самый момент достигли места назначения.

Это захолустные полузаброшенные гаражи где-то на окраине провинциального то ли города, то ли поселка.

Настя и Юля подруливают на джипе к хорошо знакомому боксу.

⁶ То есть с символами полиции.

Выходит нервный длинноволосый парень в шлепанцах на босу ногу, замечает девчонок на машине, осматривается – не видит ли кто – и безо всяких слов и приветствий распахивает ворота: заезжай, мол.

Анастасия загоняет «Лексус».

С чувством облегчения обе девушки вылезают из машины.

– Документы имеются? – спрашивает мужчина.

Настя протягивает ему свидетельство о регистрации авто.

Тот берет, внимательно изучает. Потом спрашивает:

– Ключи?

– Деньги сначала давай, – парирует Настя.

Мужик нехотя и неспешно лезет в ящик старого письменного стола, стоящего в углу гаражного бокса (все пространство завалено инструментами, банками с маслом и присадками, старой ветошью). Достает стопку стодолларовых купюр, перехваченных резинкой.

Настя недоверчиво взвешивает пачку в руке, потом принимается считать. Когда пересчет закончен, заявляет:

– Здесь всего шесть. Где еще четыре?

– Богом клянусь, не успел собрать. Через три дня будет.

– Давай, открывай ворота. Мы уезжаем. Прощай!

– Настык! Ну я разве когда тебя кидал?! Ну поверь мне! Отдам я тебе все деньги!

– Открывай ворота, чудило!

– Куда ты поедешь? Машина наверняка в розыске.

Тут вступает Юля – не на Настиной стороне:

– И впрямь, Насть, куда мы теперь поедим?..

– Залезай в машину, чучело! – рычит на нее Анастасия. А потом хватает со стола разводной ключ и приступает к хозяину гаража: – Открывай давай! Да я лучше тачку в Черном море утоплю, чем позволю, чтоб меня кинули!

– Ладно! Тихо ты, бешеная!

Нервный человек лезет за пазуху и протягивает Насте еще одну пачку американской валюты, на этот раз ничем не перевязанную и разлохмаченную.

Девушка пересчитывает:

– Здесь три шестьсот. Итого девять шестьсот. Четыре сотни все-таки зажал, крохобор!

– Клянусь! Нету! И так весь в долгах!

– Ладно, держи, убоище! – Настя кидает ему ключи от джипа. Мужик ловит их на лету.

Настя бросает доллары в свою сумку. Девушки открывают калитку в воротах гаражного бокса и выскальзывают наружу.

Вокруг занимается жаркий день, и они, повесив на плечи свои объемистые сумочки (которые одновременно, как мы знаем, являются их дорожной поклажей), вышагивают по территории гаражного кооператива, направляясь куда-то к центру городка.

– Ну что? – смеется Настя. – Мы опять сделали это!

Они хохочут и обнимаются.

Настроение у девиц самое безоблачное.

* * *

В то же самое время голый Славик Порфеев, прикрыв старым полиэтиленом свой срам и сверкая обнаженной пятой точкой, мечется на полузаброшенной приморской дороге, пытаясь остановить хоть какую-то машину.

Первая тачка огибает его и панически уезжает.

Так же поступает и вторая.

– Маньяк какой-то! – комментирует женщина внутри авто. – Вадик, поехали! – Водитель прибавляет газу, и авто обдаёт несчастного дорожным песком и пылью.

И только третья, когда Порфеев чуть ни бросается к ней на капот, останавливается.

Любитель легких приключений кидается к водителю:

– Спасите, бога ради! Меня обокрали! Все забрали, одежду, документы, машину! Довезите, ради Христа, к санаторию «Южные дали»! Я вам заплачу! – Он срывает со своей шеи цепуру и тычет ею в окно.

– Садись давай, мужик, – говорит водитель. – И цепь свою прибери. С голых денег не беру, я тебе не проститутка! Там у меня на заднем сиденье женино старое пальто валяется, прикройся им хотя бы, яйцами своими тут не трясись.

* * *

– Криминологи утверждают, что самые первые преступления в серии обычно совершаются на примерно равном удалении от того места, где проживает преступник. Первое произошло здесь, – и карандаш пометил на карте морского побережья первый курортный поселок, – второе – тут, – стило уперлось в другое название – Каравайное. – Ну, с одной стороны у нас – Черное море, и это нам дело сильно облегчает, потому как в водной глади наши милые крошки, совершенно понятно, проживать не могут. Зато вот здесь – сколько угодно.

Мужчина берет циркуль, раскрывает его так, чтобы оба места преступления оказались внутри него, а потом выписывает полукруг, захватывающий изрядный кусок берега плюс значительное пространство материка. Потом аккуратными линиями заштриховывает это пространство. Внутри полукруга оказываются отстоящие от берега моря на несколько десятков километров городки, поселки и станицы: Дефановка, Молдовановка, Горячий Ключ, Пшада, Текос, Красивая...

* * *

Именно в последнем городе – точнее, в станице – и проживают наши преступницы.

Жаркий день, однако солнце не очень высоко и не шпарит по-летнему, обжигая, а греет ласково, по-осеннему. Обе хорошо знакомые нам девушки трудятся на участке. Но сад и огород здесь, на российском Юге, в отличие от средней полосы означает далеко не только картофель, свеклу или яблоки. Тут произрастает и такая экзотика, как инжир, орехи (земляные и грецкие), виноград. И все это великолепие тоже следует убирать. Осенью как раз самый урожай.

Девушки ножницами срезают тяжелые черные кисти винограда «Изабелла», складывают в корзины. От работы жарко. Пот струится по их лицам. Привлеченные виноградом, жужжат полосатые пчелы и осы.

– Мы как миллионер Корейко, – ворчит черненькая, Юля. – Сидим на деньгах, а сами надрываемся на глупой работе.

– А что ты предлагаешь? Пойти и прогулять все, что у нас есть, в каком-нибудь еще более глупом ресторане?

– Нет, зачем? В Москву поедem. А лучше – в круиз.

– Подожди, Юлька. Потерпи. Ну, сколько мы там бабла собрали? За месяц прокутим. А надо ведь и мамке что-то оставить.

Тут как раз, по принципу «легко на помине», к калитке усадьбы, где надрываются девчонки, подъезжает старый, раздолбанный велосипед советского еще производства, а на нем – немолодая женщина в заношенном сарафане и стоптанных домашних тапочках. Она похожа на актрису Рязанову – только, может, на пару-тройку лет моложе. И еще заметно, что они с Юлей родственницы. Точнее, чернявая девушка представляет собой словно исправленное и

улучшенное издание матери: более молодая, свежая, с тонкими, а не расплывшимися чертами лица. Вторая сестренка, худенькая и светленькая Настя, нисколько на грузную, приземистую почтальоншу не похожа.

– Приветики, мамуля, – говорит Юля со всей снисходительностью, что испытывает молодость по отношению к «отжившему классу».

– Здравствуйте, тетя Ира, – приветствует женщину Анастасия с несколько бóльшим, чем подруга, пиететом.

– Как дела, девчонки? Много собрали?

Юля указывает на огромные берестяные короба.

– Маловато, – констатирует женщина. Она изо всех сил пытается казаться (а может, и быть) строгой, однако природная ее доброта и радушие не позволяют слишком преуспеть в этом. – Ладно, пошлите уже ужинать.

* * *

Трапезничают в летней кухне. Это небольшая постройка, которая, как принято на российском Юге, находится в стороне от основного дома. Здесь все, «как у людей»: плитка на баллонном газу, электрочайник, небольшой телевизор, холодильник, и даже стиральная машина имеется. Однако видно, что все или старое, древнее, или дешевое настолько, что дальше некуда. Если электрочайник – то неизвестной миру китайской фирмы. Если телевизор – то прошлого поколения, с кинескопом. Ну а холодильник – пузатый «Зил», что старше Юли и Насти, вместе взятых. Еда на столе – тоже самая простая: тушеные кабачки со своего огорода.

Женщина, которую Юля именовала мамой, а Настя – «тетей Ирой», достает из холодильника два трехлитровых баллона. Щедро плещет себе в бокал домашнего вина.

– Устала я, – как бы извиняясь, говорит «тетя Ира», – к тому ж не среда, не пятница. Денек не постный – почему б не выпить...

К баллону тянется Юля.

– Куда? – одергивает мать. И наливает ей из другого сосуда виноградного сока – такого же красивого, но, увы, совершенно безалкогольного.

– Мам, ну я совершеннолетняя давно! А Настька тем более. А ты нам выпить запрещаешь.

– Сказано тебе: будешь пить, лучше я тебя своими руками прибую. Не слыхала разве – алкоголизм по наследству передается? А у тебя, слава богу, наследия хватает: и папаша покойный запойным был, и отец его Савелий, и мой папаша, дед твой Максим. Хватит! Женский алкоголизм не вылечивается!

– Ага, я вижу, – фыркает Юля, совершенно понятно намекая на мать.

– Что ты видишь? Что? Стакан сухого виноградного вечером?

– А почему Настьке нельзя? Ее папаня, дядь Миша, говорят, не пил. Кроме того, наследственные болезни как раз передаются ходом шахматного коня – от дяди к племяннику или племяннице... Как в «Мастере и Маргарите» говорится? – И она цитирует близко к тексту: – «Ивану приходилось рассказывать всякую чушь про дядю Федора, пившего в Вологде запоем». А ее папаша, мой дядя Миша, он, ты сама говорила, выпивал умеренно.

– Хватит уже умничать, Юлия Батьковна, – поморщилась мать. – Скажи спасибо, я вам гонять на курорты не запрещаю. Можно подумать, вы там тверезые сидите.

– Это не «курорты», а экспедиции, – важно заявляет Юля. – В поисках перспективной работы или влиятельных женихов.

– То-то вы из последней «экспедиции» через три дня вернулись.

– А что делать, если работодатель сволочь оказался?

– Ага, и женихов влиятельных вы много нашли. Глядите, как бы в подоле чего не привезли. Или трепак.

– Фу, мамаша! – высокомерно морщится Юля. – Как вы грубы!

* * *

Ночью того же дня девушки лежат в своих кроватях в доме – скромной беленькой мазанке.

Слышно, как в соседней комнате похрапывает мама, она же тетя Ира. Подружкам и названным сестрам не спится. Они ворочаются, каждая на своей кровати. Противно тикают ходики. Откуда-то издали брешут собаки. Орет оголтелый ранний петух.

– Как думаешь, что будет, – спрашивает младшая, Юля, – когда мать узнает, чем мы с тобой занимаемся?

– Авось не узнает.

– Сколь веревочке ни виться...

– Перестань каркать. Все будет хорошо. Мы с тобой поднимем еще денег, а потом оставим матери клад, а сами усвистаем в теплые края. По-настоящему теплые. Карибы, Канары, Мальдивы... Спи давай. Кошка сдохла, хвост облез. Кто промолвит, тот и съест. – И Настя поворачивается на бок, лицом к стене, и вскоре засыпает.

И является ей кошмар, который время от времени настигает ее, преследуя с пятилетнего возраста.

* * *

Видит она во сне следующее.

Изобильный южный дом. Три этажа. Во дворе – бассейн.

Девичья комната – светелка. Она богато уставлена: с мобилями, картинами, специальными детскими обоями. На полу – ковер с принцессами. В углу – ящик с игрушками. Любимые куклы и плюшевые зверьки расставлены на столе. Белеют двери собственной туалетной комнаты и гардеробной.

Девочка лет пяти – это юная Настя – спит в кроватке в обнимку с плюшевым дельфином.

Вдруг снизу, с первого этажа, где вечерами сидят у телевизора родители и откуда так уютно слышится его бормотание, раздается хлопок двери. Затем – резкие мужские голоса.

Девочка в своей кроватке дергается и просыпается. Глаза ее широко открыты.

А снизу несется взволнованный голос отца. Слов не слышно, но он разгневан.

В ответ – несколько резких ударов. Шум падающего тела. И сразу же – истошный крик матери.

Девочка – будто кто-то специально учил ее этому – не кричит, не плачет, не зовет на помощь. Она вскакивает, деятельно пробегает босиком по полу (она в пижамке) и забирается в гардеробную. И все, что происходит в доме в дальнейшем, она только слышит, но ничего не видит.

Вслед за вскриком матери раздается удар, затем второй, и падает еще одно тело.

А потом звучат выстрелы. Первый, второй, третий. И – совсем уж отчаянный женский крик. Который – бабах! – и обрывается.

Девочка, что сидит в гардеробной, беззвучно плачет, вздрагивает – но не издает ни звука.

А потом она слышит голоса мужчин. Они поднимаются по лестнице. Они все ближе.

Наконец, дверь в детскую растворяется. Девочка сквозь деревянные жалюзи гардеробной видит мужские силуэты.

– Где эта маленькая сучка? – спрашивает один, замечая разобранную пустую постель.

– Сбежала! – отвечает второй. Он распахивает дверь в ванную. Смотрит там за душевой занавеской с игривыми мультяшными дельфинами – девочки нет.

В этот момент где-то далеко на улице слышится вой милицейских сирен. Они приближаются.

– Ходу, Лысый, – говорит первый. – Наплевать на девчонку. – Он тащит за собой второго к выходу.

Но тот мимоходом всаживает две пули в гардеробную – они легко пробивают решетчатые дверцы, но, слава богу, не попадают в маленькую Настю. Та беззвучно плачет.

* * *

В этот самый момент Настю, уже взрослую, тормозит Юлька. Девушка дергается, просыпается и садится на кровати.

– Что, опять? – спросонья переспрашивает она.

– Да.

– Ох, все тот же сон. Такой кошмар! Спасибо, что разбудила.

– Ничего, ничего. – Юля садится на кровати рядом и обнимает сестру за плечи. – Все прошло, все давно минуло.

– Но маму с папой не вернешь.

– Зато у тебя теперь есть я. И тетя Ира.

– А ты помнишь, как меня впервые сюда привезли?

– Нет, я тогда еще слишком маленькая была.

– Скажи, я ведь не забыла, мы с родителями богато жили. Дом трехэтажный, бассейн, все дела. А если моих предков убили – почему не я это унаследовала? Почему мы так живем – ну, скромно?

– Не знаю.

– Может, у тетя Иры спросить?

– Ну, спроси.

– А может, ты разузнаешь? Тебе она все-таки родная мать. А если я буду выяснять, как-то неудобно получится, вроде я недовольная. Или на чужое претендую.

– Почему чужое? Мать моя тебе – родная тетка.

– Все равно лучше ты узнай, при случае. Как она в хорошем настроении будет.

* * *

Совершенно о другом идет разговор в то же самое время в совсем другом месте – в полупустом кабинете, бог знает где.

Первый говорит:

– Я предлагаю оперативный эксперимент.

– Ловить на живца? Как ты себе это представляешь?

– Известно как. Оперативные работники под прикрытием выезжают в район. Там всячески привлекают к себе внимание подозреваемых. И задерживают в момент совершения нового преступления.

– Ты представляешь себе, что такое Черноморское побережье? От Адлера до Анапы протяженность километров триста. Сотни пляжей. Десятки городов и поселков. Тысячи кафе. Я понимаю, конечно: операм под прикрытием там работать сложнее, чем здесь, в Кубанске. Но они до морковкина заговения будут наших красоток пасти, и не факт, что выпасут. Поэтому идея хорошая, но невыполнимая.

– И?..

– Надо работать через машины. Где-то они ведь их сбывают? Есть ведь точка, где подельники их разбирают на запчасти. Или реализуют.

– А может, прямо гонят на Кавказ, с документами. А там их – ищи-свищи. Нет, хоть пару оперов я бы на Черноморское побережье в рамках следственного эксперимента отправил.

* * *

На осеннем пляже расположились двое мажоров.

Шезлонги, зонтики, коктейли.

Оба парня – красавцы. Молодые, высоченные, стройные. Лет двадцати пяти – двадцати семи. И сразу, еще без одежды – по плавкам, что ли, а может, по говору, по жестам, – видно, что москвичи. И скорее всего, из высших слоев общества. Словом, люди не бедные. Об этом даже солнцезащитные очки свидетельствуют. У первого – от «Диора», причем явно не на китайском рынке купленные; у второго – от «Кензо».

Как и в любом обществе – как и среди наших героинь, Насти и Юли, – один из парней в этом дуэте выступает явным лидером. Второй ведомый. Если переводить их взаимоотношения и статус на язык, допустим, табели о рангах Российской империи, то первый скорее соответствует коллежскому секретарю, а второй – секретарю губернскому. Если же трансформировать их в звания современной армии, то первый, пожалуй, тянет на капитана, а второй – на старшего лейтенанта. Первый и крупнее, и мускулистей, и лицом красивее. Вдобавок у него пара шрамов – на спине, в районе печени, на правой груди, и еще отметина на лбу. Шрамы, в соответствии с поговоркой, отнюдь не портят, а только красят его.

Первый из мажоров зовется Артемом. Второй – Андреем.

В дополнение к их парному портрету следует добавить, что у первого (главного, именуемого Артемом) под рукой, на полотенце, лежит фотоаппарат с длиннофокусным объективом. Он его время от времени, отставив коктейль, берет в руки – и выпускает целую серию щелчков, целя в основном в окружающих его на пляже персонажей. Так как объектив телевизионный, то никто на пляже не замечает, что попал в память аппарата – ни мужчина, застегивающий купальник своей супруге – столь толстой, что кажется, будто он надевает на нее сбрую; ни кавказец, настолько поросший черным волосом, что создается впечатление, будто он одет в каракулевую шубу; ни две юные полненькие провинциальные девы, обгорелые на солнце до состояния молочного поросенка.

Сами молодые люди, нимало не стремясь к тому, обращают на себя внимание пляжа своей столичностью, модностью и очевидной молодостью. Не одна матрона украдкой вздыхает, при взгляде на них, по своей утраченной боевой молодости. Не одна юная дева приободряется, старается подтянуться (где надо), а где надо, наоборот, выпятиться и принять самую выгодную и наиболее соблазнительную позу. Не одна как бы случайно дефилирует мимо шезлонгов, занимаемых Артемом и Андреем, причем выбирая ракурсы, в которых выглядит самым выгодным образом.

Однако парни вроде бы не замечают столь очевидных тщаний – а может, и впрямь не замечают? Может (закрадывалась даже кое у кого из числа отдыхающих на пляже мысль), оба принадлежат к касте, что имеет столь широкое распространение на Западе – а теперь и нас потихоньку начинает завоевывать? Может, они не просто двое – а *пара*? Хоть, если взглядеться, ничто вроде не указывает на подобную возможность – нет в арсенале парней никаких томных взоров или жеманных поз, – но чем черт не шутит, может, и в суровый богатырский казачий край пролезло нечестивое поветрие? Иначе почему они вдвоем? И никакого внимания не обращают ни на одну из прекрасных полуобнаженных дев в купальниках?

В том числе не замечали эти двое и наших героинь. Юные Настя и Юля, которые привыкли быть и чувствовать себя звездами, разумеется, обратили внимание на тех, кто теперь

отвоевывал у них первые позиции в неофициальном рейтинге «звезд пляжа». Однако никаких действий девушки пока не предпринимали – так же вольготно расположились в шезлонгах, скромно попивали соки через трубочку и время от времени отшивали пляжных приставал, которые пытались добиться их благосклонности.

Но когда молодые люди встали и принялись одеваться – а время шло к семи вечера, и солнце стремительно клонилось за поросшую целебной сосной гору, – Настя едва заметно кивнула Юле. Та, впрочем, и безо всяких сигналов все поняла. Поднялась, зябко закуталась в полотенце, а затем исподволь приблизилась к красавцам – находясь, впрочем, в приличном отдалении. Те, подхватив рюкзак, один на двоих, отправились к выходу с пляжа. Следует заметить, что в одетом состоянии оба парня выглядели не хуже, чем в плавках. Знатоки могли бы опознать среди их носильных вещей поло из «Ральф Лорена», сандалии от «Балдинини», шорты от «Ганта». Те же встречные, кто в вопросах моды был невежественен (как в целом наши героини), – те, по крайней мере, обращали внимание, насколько просто, стильно и дорого молодые люди смотрятся.

Юля довела их куда следовало, а вернувшись назад, на пляж, в азарте прошептала подруге:

– У них «Ауди», А-шесть, красная!

И обе стали спешно собираться.

* * *

Вечер девушки начали с того, что обошли все имеющиеся в курортном поселке кафе. Поселок, почему-то названный греческой буквой Гамма, надо заметить, был совсем иным, нежели тот, где они «работали» в прошлый раз. Этот оказался еще более камерным, чем первый. Ни единого санатория или даже Дома отдыха здесь не значилось – только пара турбаз, в которых отдыхающие ютились в домиках без удобств. Сейчас, по случаю осени, базы стояли полупустыми. Немногочисленные отдыхающие обретались в основном в частном секторе. Кое-кто из экстремалов жил в палатках. Дни проводили на пляже, а если задувал ветер или разыгрывался шторм, гуляли по окрестностям. Вечера проводили, сидючи в кафе.

Все заведения жались к морю. Все они были открытыми, без стен, располагались под навесами, поэтому не надо было заходить внутрь, чтобы понять, кто сидит за столиками.

В самом последнем по счету неподалеку от входа стояла та самая красная «Ауди» со столичными номерами. Юля кивнула Насте: «Смотри...»

И впрямь, парни, что привлекли их внимание на пляже, вдумчиво поглощали кто бифштекс, кто мясо в горшочке. Они при этом время от времени поднимали глаза от своих блюд, сканировали, кто и что вокруг.

Девушки вошли в кафе, огороженное железными столбами, которые поддерживали крышу. Уселись. Не спрашивая меню, заказали по коктейлю.

Как известно, мужское брюхо, когда голодно, совершенно равнодушно к девичьим чарам. Но когда москвичи (будем пока называть их так) насытились, то начали обращать внимание на наших героинь. Да и Настя посылала в их сторону недвусмысленные сигналы: взгляды, улыбочки, покручивание пальчиками локонов.

Сигналы были поняты правильно.

Артем и Андрей встали и подошли к столику девчонок. Юля решила применить свой трюк с фотографированием и, пока представители сильного пола еще только к ним приближались, попыталась незаметно снять на телефон и того, и другого.

Заигрывать с девчонками начал тот, кто был младшим в паре – по типуажу и внутреннему состоянию – Андрей:

– Знаете ли вы, что вы – самые красивые девушки не только поселка Гамма, но и всего Черноморского побережья?

– Знаем, – хихикнула Юля.

– Вы тоже парни бравые, – сразу сокращая дистанцию между ними, отвесила ответный комплимент Настя.

– Поэтому вы нас фотографируете? – улыбнулся, пристально глядя, старший – Артем.

– Как и вы нас, – парировала Настя. – Все видели, как вы это делали. Сегодня, на пляже.

– Будем считать взаимное фотографирование символом обоюдной симпатии, – вклинился Андрей. – Хотите, устроим вам настоящую фотосессию? Мой друг Артем – профессиональный фотограф и известный блогер.

– Темновато сейчас для съемки, – хихикнула Юля.

– У нас на квартире выставим прекрасный свет.

– Попридержите коней, мальчики! – усмехнулась Настя. – Ага, профессиональная фотосъемка. Могу представить. Снимите кофточку, приспустите бретельку...

– А вы откуда знаете, как бывает? Есть опыт?

– Кино смотрела.

– Кино? Какое кино, интересно? – хмыкнул Артем. – Обычно так, как вы описываете, фильмы для очень взрослых начинаются. Да, Андрюха? Любите порно, девочки?

– Ой, что-то вы такие бóрзые, ребята! Только встретились, сразу: профессиональная съемка, порно! Пойдем-ка мы отсюда, Юлька! Друзья явно взяли за дело по-столичному. Типа, раз – и на матрас. Мы люди провинциальные, такую скорость не понимаем.

– Вы привлекательны, мы чертовски привлекательны, – процитировал известный советский фильм Андрей. – Так чего же время терять?

– Нет, братцы. Мы так не умеем. Пошли, Юлька! Будьте любезны, счет принесите, пожалуйста!

– Мы заплатим.

– И не надо нас покупать!

Настя резко встала из-за столика, подошла к стойке бара, подозвала официанта и заплатила по счету. А потом, не глядя на парней, устремила к выходу из кафе.

Юле ничего не оставалось, как броситься следом, оставив парней за столиком.

* * *

Когда они вышли на набережную – пустынную в столь поздний час, – Юля зашипела:

– Что ты делаешь?! Куда бежишь? Какая клиентура замечательная! Тачка миллиона три стоит!

– Не надо, Юлька.

– Что – не надо?

– Не надо с этими мажорами связываться. Что-то с ними не так.

– Не так – что именно?

– Не знаю, но сердцем чую: засада какая-то.

– Странная ты сегодня.

– Не странная, а мы же договаривались: воруем тачки только у жуликов и воров. Как делал твой любимый герой, Смоктуновский – Деточкин. И еще женатиков наказываем.

– И что?

– А то, что какие эти парни коррупционеры? Явно нет. И неженатые, скорей всего.

– Какая разница! Думаешь, сами на «Ауди» нагорбачились? Ага, известный блогер – подумаешь! Наверняка на папашкины деньги лимузин прикупили, значит, не они, так папаша – коррупционер. Вот пусть и пострадает – через сыночка своего. Я их ведь обоих сняла – давай

для начала пробьём, кто они да кто у них папки-мамки. Сразу вылезет какой-нибудь судья или начальник газового хозяйства.

* * *

В этот раз в новом поселке, где они оказались в первый раз в своей жизни, девочки сняли для себя не сторожку или гостевой домик, а однокомнатную квартиру в панельной многоэтажке. Когда-то, в шестидесятые, ее построили для персонала местных турбаз – решили для них квартирный вопрос.

Вода до четвертого этажа (где поселились девочки) доходила лишь тонкой струйкой, душ поэтому не работал, и, чтобы помыться, следовало изворачиваться под краном. И душно тут было даже ночью, даже сейчас, осенью, – зато имелись и плюсы. Например, мощный вай-фай.

Юля загрузила в спецпрограмму фотографии Артема. Закрутилось колесико поиска, однако на выходе – ни одного совпадения.

Прodelала то же самое с Андреем – результат оказался аналогичным.

– Ты видишь? – прокомментировала Настя. – Не так все с этими парнями просто. А ты номер их машины записала?

– Обижаешь.

– Пробей.

В компьютере Юли имелась база ГИБДД – важная вещь при их «ремесле».

Юля пробила номер красной «Ауди». Хозяин нашелся. То был некий Александр Николаевич Кудряшов 1957 года рождения.

Оба парня как-то совсем не тянули на шестидесятилетних.

– Что на этого Кудряшова Александра Николаевича в Сети имеется?

Юля задала поиск, но не нашла ни одного упоминания, ни даже фотографии – со стариками в Интернете почти всегда так бывает.

– Я тебе говорю: что-то с этими парнями странное.

– Что дальше будем делать?

– Давай так: об этих забудем и попробуем здесь завтра других каких-нибудь склеить.

* * *

Но когда приходит утро, Юля беззаботно спит, завернувшись в простынку и отвернувшись к стене.

Настя просыпается раньше и решает не будить подругу.

Выпивает на кухне кофе и выскальзывает из квартиры.

Осеннее утро бархатного сезона прекрасно, что там говорить. Народу на курортах совсем мало в сравнении с летом, и солнце не печет, как прежде, а ласкает, и за заборами частных домов висят, вдохновляя и веселя, гроздья винограда или плоды созревшего инжира.

На пляже народу немного. И Настя сразу замечает вчерашних парней. Точнее, замечает одного – того, кто лидер, – Артема. И тут она понимает – точнее, впервые отдает себе отчет, *зачем* она пришла сюда сегодня. *Одна*.

И почему вчера отказалась по ним *работать*.

Все очень просто. Он ей нравится. Очень нравится.

Не обращая, разумеется, на парня, по условиям извечной девичьей игры, ни малейшего внимания, Настя все же боковым зрением не просто замечает его, но и видит все, что он делает, каждое движение.

Она сбрасывает с себя сарафан и шлепки, оказывается в купальнике и бежит по бетонному мостику, выдающемуся далеко в море. Не останавливаясь, с налету, обрушивается в воду красивой рыбкой.

* * *

Артем в то же самое время замечает ее. Делает стойку. В самом буквальном смысле – приподнимается на своем шезлонге и, не отрываясь, глядит на Настю: как она несется по мостику, а потом прыгает.

– Чего там? – лениво спрашивает товарища его спутник, второй номер – Андрей.

– Она.

– Кто?

– Вчерашняя наша девица из кафе.

– Черненькая?

– Нет, светленькая.

– И что тебе до нее?

– Я ее хочу.

– У-у, – с пониманием урчит его спутник. – Флаг тебе в руки.

Ничего не отвечая, Артем вскакивает с шезлонга и тоже бросается в море.

Настя уже далеко, и плавает она хорошо. Гребет равномерно, кролем.

Артем принимает вызов. Он спортивный парень, и хоть плаванием никогда не занимался, сила его мускулов и физкультурная закалка дают ему надежду настигнуть девушку.

А та уходит от берега все дальше.

Спасатели на нашем Черноморском побережье обычно работают через пень-колоду, а осенью и вовсе не реагируют на заплывающих за буйки.

* * *

Можно, конечно, подождать, когда девушка сама возвратится на пляж, но наш герой не из тех, кто ищет легких путей.

Он настигает Настю метрах в двухстах от берега, когда красавица устает и ложится на воду отдохнуть.

– Вы не скажете, как пройти в библиотеку? – светски осведомляется молодой господин.

– Прямо и направо, – отрезает соблазнительница и резко начинает грести в сторону берега, обдавая приставалу столбом брызг от работающих ног.

Артем не собирается сдаваться. Метров через двадцать он снова настигает девушку и слегка хлопает ее в воде по плечу, словно осаливает.

– Э-э, руки убери! – кричит она.

– Теперь ты водишь.

– Неужели ты думаешь, что я буду за тобой бегать?

– Это просто игра, – широко улыбается он.

– Я в такие игры не играю. Попробуй с другими.

– А мне нравишься ты. А я тебе? Нравлюсь?

– Ты совершенно не в моем вкусе.

– А кто в твоём?

– Знаешь, такой... худенький, задрот в очочках. Билл Гейтс зовут.

– Может, я тоже, как он, миллиардер.

– Ну, это вряд ли.

– Почему это?

– Миллиардеры на черноморские курорты не ездят. Они все больше в Сардинии пребывают.

– *На* Сардинии. Это остров, поэтому по-русски правильно говорить: *на* Сардинии.

– Ах, ты еще и умник! – Девушка плещет в парня водой и снова бросается плыть в сторону берега.

И опять он ее догоняет, и между ними возобновляется игра – старая, как мир.

Точнее, игра стара, но не как вселенная, а все-таки несколько моложе ее, и исчисляет свой возраст с тех пор, как природа создала два пола и брачные танцы, ритуалы ухаживания стали непременным условием успешного соединения двух особей.

Но могут ли они, эти двое на южном пляже, в итоге оказаться вместе? И надо ли им быть вместе? Ведь он – богатенький столичный мажор из хорошей семьи. Она – бедная провинциалка и, как ни крути, преступница. Чем может закончиться их танец и их игра? И могут ли быть хоть какие-то перспективы у их связи?

Артем об этом даже не думает. Мужчина, особенно молодой, обычно не задает себе подобных вопросов. Его редко интересует, что будет *после того как*. Ему главное – добиться своего.

А вот для девушки расстановка сил на игровом поле – очень важна. Потому что если у связи не просматривается никаких перспектив – то зачем же на нее время терять?

Но, с другой стороны, сердце ведь не камень. И если оно обмирает и растекается при виде человека – надо быть совсем мазохистом, чтобы убежать от него и где-то в уголке плакать о нем втихомолку, сожалея, что счастье, может, было так возможно...

Как бы то ни было, о чем говорят парень и девушка по пути к берегу, пусть останется тайной. Однако, когда они выходят из воды, они выходят рядом, *вместе*. И невнимательному отдыхающему, бросившему на них беглый взгляд, может даже на миг показаться, что эти двое – пара. А когда они выбираются на сушу, Настя оступается – кто знает, намеренно или нет, – а Артем придерживает ее за руку и за талию, и она не сразу отстраняется от него.

– Я тут знаю прекрасное место, – говорит парень. – Зоопарк, а над ним – веревочный городок. Если упадешь – то не просто на землю, а прямо в пасть льву. Поедем?

– Хорошенькое приглашение, – благосклонно смеется она. – В пасть к льву.

– Для начала поедем, выпьем для храбрости по коктейлю.

– Поедем, выпьем... Вдвоем?

– А зачем нам с тобой кто-то третий?

– И ты что, готов бросить своего друга?

– Ради тебя – запросто.

– А я вот свою подругу не могу.

– Хм, тогда берем и друга, и подругу. Будет у нас двойное свидание.

– «Свидание»! Ты торопыга, москвич! Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее – слышал такое? Тоже ваш, московский, поэт написал.

Она вытирается купальным полотенцем, а он не отходит от нее.

– Пойдем, – тянет за руку.

– Куда? – смеется девушка.

– Я тебя теперь никуда не отпущу.

* * *

Юля выглядит крайне недовольной перспективой свидания – хоть двойного, хоть какого. В съемной панельной квартирке она набрасывается на названую сестру:

– Ты чего, Настька, творишь?! Мы чего сюда приехали – работать? Или за *сасными крашами*⁷ гоняться?! *Заиквар!* Увидела смазливую рожу и вся растеклась!

– Послушай, – останавливает ее подруга. – Ты скажи лучше: зачем мы вообще работаем?

– Для денег.

– Да. А деньги для чего?

– Для мамы. И для нас. Чтобы жить красиво.

– Вот именно. Чтобы сидеть на пляже с *сасными кунами* – ты сама говорила. Так вот, я и предлагаю не ждать, а делать это прямо сейчас, и безо всяких денег.

– Да ты просто *кавайшься*⁸ этого москвича! Крыша у тебя от него поехала.

– Ну, допустим. И что?

– А то, что ты ему – не нужна. И у тебя с ним никогда и ничего не получится. Ты посмотри, кто – мы и кто – они. Они – натуральные мажоры, богатенькие родители, тачку за три лимона куну купили, образование где-нибудь в Оксфорде проплатили. Да у него столько бабла, что кенгуру не перепрыгнет. А мы – бедные, провинциальные, необразованные. И, как ты сама говоришь, преступницы. И до них нам с тобой – не доползешь и не долетишь.

– Но не забывай – у нас с тобой имеется особое секретное оружие. Называется – женские чары.

– Ну, с этим оружием в койку, конечно, заманить можно. Но замуж – вряд ли.

– А вот посмотрим, – с задором говорит Настя.

– Ну и посмотрим, – усмехается подруга.

– Хочешь, замажем?

– Замажем. На десять тысяч русских рублей!

– Ого! А ты азартная девчонка, как я погляжу.

– Азартная, а ты не знала?

* * *

И вот двое друзей и две подруги участвуют в местном, южном, курортном аттракционе. Высоко над землей – на высоте десятиэтажного дома, не меньше, – протянуты веревки. Деревянные платформы соединяют качающиеся, шаткие подвесные мостики.

Внизу, на земле, прямо под веревочным городком, – просторные вольеры, в которых разгуливают лев, тигр, гепард. Сверху клетки ничем не ограничены, и дикие звери снизу на прогуливающееся над ними мясо время от времени посматривают, порываются.

Первым по мостику над пропастью и над дикими зверями прошел Андрей. За ним последовала Юля. Оба, конечно, использовали страховку. Как и двое других, оставшихся пока на платформе, – Артем и Настя.

– Дамы вперед. – Молодой человек приглашает свою девушку жестом.

– Нет, только после вас, – изображает шутливый книксен она.

Артем не настаивает и шагает вперед по качающемуся мостку над пропастью. Он парень спортивный и поэтому преодолевает маршрут ловко и быстро.

Настя осталась на платформе самой последней.

– Давай, не бойся! – с оттенком снисхождения приглашает ее влюбленный парень. И тогда она усмехается: мол, я – боюсь? И... и отцепляет от своего пояса страховочный трос, тут же становится на ненадежный мостик и направляется в сторону друзей.

– Настька! Что ты делаешь?! – вопит подруга. – Ты с ума сошла! А ну вернись! Упадешь! Возвращайся немедленно!

⁷ Краш – красивый парень.

⁸ Кавайться – получать удовольствие, кайфовать, балдеть.

Артем жестом останавливает вопящую подругу. И впрямь, если девушка вдруг передумает, развернуться и пойти назад будет сложнее, чем шагать вперед. Поэтому заинтересованным зрителям лучше не советы давать, а молиться, чтобы она благополучно добралась до конца опасного пути.

Настя покачивается, с трудом поддерживая равновесие, но идет.

Юля от страха замуривает глаза.

Лицо Артема перекошено от напряжения – но он не может ничего сделать, ничем помочь.

Внизу заинтересованно вышагивают, подымают морды хищники – они каким-то своим, звериным чутьем почувствовали, что наверху происходит что-то необычное и не исключено, скоро будет чем поживиться.

Но Настя, как ей ни трудно, все-таки преодолевает подвесной мост, а на последних двух шагах ее подхватывает в свои объятия Артем.

Юля иступленно кричит на сестру:

– Какая же ты дура! Дура, дура! Ненормальная!

* * *

Но злость, волнение и драйв, вызванные выходкой Анастасии, быстро улетучиваются.

Молодые люди в авто, которым управляет Артем, отправляются в уединенную бухту.

Там накрывают небольшой пикник: жареные окорочка, помидоры. Коньяк, шампанское. Антураж мало чем отличается от той ночи, когда был ограблен приезжий Порфеев, – однако и место совсем другое, и белый день на дворе. И настроение в этот раз царит иное: легкое, радужное. И девушки на сей раз, вместе с Андреем, выпивают. Постится только Тема – ведь ему рулить.

Сестренки купаются: брызгаются, подбрасывают друг друга, хохочут. Отчасти, конечно, работают на публику. Ни о каком раздевании, разумеется, речи не идет.

Артем сидит на берегу рядом с другом. Он с ласковой улыбкой смотрит на Настю.

– Ну, и зачем она тебе? – спрашивает Андрей.

– Отстань. Может, я влюблен?

– Нашел в кого. Провинциальная курица. Блондинка.

– Не смей так говорить об объекте моей страсти, даме моего сердца.

– Сдается мне, не все тут так просто. И если ты рассчитываешь на легкий курортный романчик, вряд ли оно получится. Что-то в ней есть такое... Непростое, жесткое... Короче, в два счета, в твоём привычном стиле, она тебе вряд ли даст.

– Ну и пусть. Я ведь и жениться могу.

– Ты с ума сошел! Девчонка откуда-то из кубанской станицы, без роду, без племени, без денег, без образования!

– А мне и не нужна богатейка с «вышкой» за плечами! Был бы человек хороший да меня ценила.

– Фу! Похоже, ты натуральный дебил. Только не говори о своих далеко идущих планах – типа, «я и жениться могу» – при второй, при Юльке. По-моему, она менее строгих правил, и меня, в отличие от некоторых, ждет успех.

И Андрей вскакивает и бросается к купающимся девчонкам – явно адресуясь к Юле. Подныривает под нее, подхватывает, выбрасывает из воды. Девушка визжит и смеется.

Обождая пару минут, в море прыгает и Артем.

А спустя какое-то время на берег вылезает Юля.

Улучив момент, пока оба парня находятся далеко, она забирается в карман шортв Артема, просматривает его бумажник. Фотография в правах – он. Имя-отчество парня – *Куд-*

ряшов Артем Александрович. Документ выдан в Москве, а годков молодому человеку – почти тридцать.

* * *

Вечером, все в той же съемной квартире в панельной пятиэтажке, девушки в Интернете ищут о нем информацию. Только успевают задать его имя в адресной строке поисковика, как выпадают тысячи ссылок. Десятки заметок, сотни фотографий.

– Смотри, – восклицает Юля, – про него даже в Википедии есть! Настоящий *фейм*⁹, вау! – И она зачитывает, слегка иронизируя над тем, сколь важной величиной оказался новый знакомый: – «Кудряшов Артем, девяносто первого года рождения, известный российский фотограф и блогер». О, блогер! Ну да! У меня ведь тоже блог есть! Только обо мне в Википедии не пишут. А о тебе, Настька? «Отец – Кудряшов Александр, бывший дипломат». А, ну вот, понятно, откуда и чья у него машина. «Мать – Елена Анатольевна Кудряшова, член совета директоров компании «Защитные телесистемы». Прадед – Кудряшов Василий Николаевич, генерал-майор, доктор исторических наук, – послушай, у него даже прадед известный, настоящая династия, – являлся одним из соратников Леонида Ильича Брежнева, познакомились они еще в войну, в сорок третьем году, а в тысяча девятьсот шестьдесят шестом году переведен в Москву. Вплоть до выхода на пенсию в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году работал в ЦК КПСС и Госплане СССР». Не, ну куда нам, со свинячьим рылом, против ЦК и Госплана!..

– Слушай, заткнись, а? – беззлобно, но с оттенком обиды говорит Настя.

– Ладно. Дальше читаем без комментариев, как говорят в высоких кругах, то есть в семье твоего Кудряшова.

Настя показывает ей кулак:

– Сейчас получишь.

– Ладно-ладно, не буду. Вот самая суть: «Артем является популярным блогером... Работает в жанре городского репортажа... Обрел известность благодаря публикациям о незаконной, хаотической городской застройке в Москве, Московской, Ленинградской областях и ряде других регионов России. Во время журналистского расследования уголовного дела о покушении на общественного деятеля Лысенного подвергся нападению – ему сломали нос, правую руку и несколько ребер. Следствие по поводу нападения ведется до сих пор, преступники не обнаружены». Вот откуда у него шрамы, а! Да он герой! Я без иронии говорю!.. Слушай, интересно, а он богатый человек? Давай его блог посмотрим?.. О, гляди! Двадцать три тысячи подписчиков. Двадцать три, Карл! И, как следствие, раз реклама, два реклама, три реклама... Баннер... А вот замечательная ссылочка – «рекламодателям». Проходим, и вот, пожалуйста, «посмотреть прайс». Нормально так: проплаченный пост от рекламодателя – сто пятьдесят тысяч рублей... Да, человечек твой, Артем, по ходу, небедный... Тем удивительней будет, если он на тебя позарится... Ай!

Юля ощутила под ребрами болезненный тычок от Насти и пошла на попятный:

– Да шучу я, шучу! Ты что, и впрямь на него запала?

– Я тоже, между прочим, не на помойке найдена! – зашипела подружка, не на шутку, как видно, обидевшаяся и разозлившаяся. – И не таких обламывала, и этого мажора окручу – если захочу, и если мне надо будет!

⁹ *Фейм* – слава (молодежный сленг).

* * *

Кирилл Косаткин, капитан полиции, старший оперуполномоченный краевого управления МВД Кубанского края

Какой-то умник в краевом управлении решил: раз случилась у нас пара аналогичных преступлений – красивые деффки знакомятся на курорте с мужиком на тачке, опаивают его кропелином¹⁰, грабят и угоняют транспортное средство – значит, это два эпизода одного дела. И их надо объединить. И расследовать на краевом уровне. Ладно, начальство, конечно, какую угодно глупость может придумывать, лишь бы личный состав особо не дергал. Но оно ведь у нас, сцуко, деятельное. И розыск по двум данным эпизодам поручило мне.

Я решил начать с последнего – в приморском поселке Каравайном. Написал рапорт на командировку и выехал туда на своей тачиле. Понятно: бензин никто мне не оплатит – и тем более амортизацию. Однако разъезды по месту предстояли мне, я предчувствовал – нешуточные, и лучше уж я разорюсь на пару тысяч, чем буду каждый раз «расписную» колымагу в местном райотделе выпрашивать.

В понедельник, да рано утром, да в начале октября движение на черноморской трассе густотой не отличалось. Навстречу мне, в Кубанск, еще неслись караванчики: те, кто мог закосить со службы, не являться прямо с ранья в присутствие, предпочитали возвращаться с курортного уик-энда не вечером в воскресенье (гарантированно попадешь в пробку), а спозаранку. В моем же направлении, к морю, двигались и вовсе полторы калеки.

Я не гнал, не спешил, на встречную не вылетал, рулил ответственно и дисциплинированно. Попутно думал о делах и прикидывал обстановку.

Ясно, что деффки после грабежа отходили по этой трассе – других здесь просто нет. Значит, их мог кто-то видеть. И (самое главное) краденую тачилу должна зафиксировать одна из дэпээсных камер. Поэтому во время движения я подмечал оные, прикидывал, где они расположены, и формулировал в уме запрос в наше краевое УИБДД. Типа, прошу, в рамках расследования уголовного дела номер такой-то, обеспечить мне, такому-то, доступ к информации, зафиксированных камерами такими-то. За какой срок смотреть? Думается, начиная с того самого момента, как было совершено преступление, то есть с вечера первого октября – и до?.. А вот это вопрос. Может быть, преступницы на украденном «Лексусе» отходили сразу же, немедленно. А может, у них в Каравайном имелась база, а значит, и сообщник. Или сообщники. И они сразу перегнали тачку куда-нибудь в бокс – там, в поселке, а потом отсиживались. А раз бокс (и сообщник) имелся, им никто и ничто не мешало разобрать тачилу на месте, а впоследствии реализовывать детали автомобиля, как запчасти б/у. Но если дело обстоит именно так, следовало искать прежде всего сеть реализации, а девчонок считать лишь исполнительницами, на которых не составит труда выйти в рабочем порядке.

Могло быть и иное. Транспортное средство они похитили не с целью дальнейшей наживы, а из хулиганских побуждений. Тогда есть даже шанс, что тачка всплывет где-нибудь в кювете и вернется к хозяину с минимальными повреждениями. Уповать на это вряд ли стоило, потому как имелся аналогичный эпизод, совершенный подобными девчонками (или лицами, похожими на них). Хорошо, один раз напоили мужика кропелином и взяли авто, чисто чтоб показаться. А если два раза? И так как данный вид преступлений характеризуется высокой латентностью – то есть, проще говоря, другие ограбленные в полицию могли с заявами не ходить, – то, возможно, случались и третий, и четвертый, и прочие эпизоды.

Или, наихудший вариант, кто-то из жертв до правоохранителей *дойти не смог*. Переборщили преступницы с кропелином, откинулся владелец тачки, валяется его тело где-то в кустах,

¹⁰ Название лекарственного препарата, кропелин, – вымышленное.

объявлен в розыск – плачут, не находят себе места его семья, малые детки и престарелые родители...

Наконец, очень вероятно, что девчонки – гастролерши и они вывозят тачки в свой регион. Так сказать, два в одном: и похитить, и перегнать. Но в таком случае район этот вряд ли находится далеко. Полное сумасшествие было бы – тянуть машину (которая могла оказаться в розыске сразу, как терпила очнется) куда-нибудь в Вологду или Астрахань. Другое дело, если разбойницы прибыли из соседних краев: Ростовской области, Ставропольского края.

Или с Кавказа. Последний случай – самый вероятный. Завербовал какой-нибудь душман двух юных русских дурочек, заморочил им мозги, заставил на себя работать. Вот они и стараются, выслуживаются перед ним. А он – цинично наживаетеся на дурехах.

Так думал я, постепенно приближаясь к Черноморскому побережью. Миновал перевалы, и дорога пошла веселее. Я внимательно рассматривал встречные столбы и мачты. Однако у нас не Москва, не Крым. Камер было мало – всего я насчитал две. И еще одну – не доезжая пары километров до Каравайного. Надежд, что преступницы попали в кадр, сразу стало меньше. Правда, оставались упования на объективы, которые устанавливают доброхоты – частные лица и организации, особенно кафе, рестораны, мини-гостиницы и бдительные богатеи.

Потерпевший, гражданин Порфеев, еще к себе домой в N-скую область из санатория «Южные дали» не съехал.

По пути я позвонил ему на мобильный, и мы договорились встретиться на санаторном пляже.

* * *

Правду говорят: чем менее женщина доступна – тем сильнее распаляется мужчина. Вот и с Настей так – в случае с Артемом.

Они остались вдвоем. Выпили по коктейлю, прогулялись по вечерней набережной. Он рассказывал ей о том о сем. Фонтанировал забавными историями и анекдотами. Она позволяла держать себя за руку или иногда касаться плеча или талии. Но больше – ни-ни. А когда он проводил ее до дому – пешком, безо всякой машины, и они стояли у подъезда жуткой вылинявшей пятиэтажки, – позволила ему один поцелуй. Жаркий, страстный. Но который не утолял никакой жажды, а только распалял ее.

Он проговорил – и голос его аж сорвался от желания:

– Пригласи меня на кофе. Или на чай.

– Нет-нет-нет, – засмеялась она. – Ни в коем случае. Знаешь, какие у меня родители строгие! Если что, убьют и тебя, и меня.

Насчет «родителей» было художественным преувеличением – у Насти имелась только мама, да и то приемная. Но она – да, в этом смысле была очень строгой. И соседи, и все мамы знакомые в станице тоже. Старорежимные люди, домостроевские принципы. Поцеловал, типа, – женись!

– А что, я могу.

– Жениться? Это что? – веселилась она. – Это так нынче делается предложение?

– А тебе надо по всей форме?

– Естественно. И потом я еще должна буду подумать.

– Ну, ладно, буду иметь в виду твое пожелание. Или не иметь.

И он развернулся и, посвистывая, удалился.

И они ни о чем не договорились, ни о каких дальнейших встречах, и ей было страшно, что они больше никогда не увидятся, и очень хотелось окликнуть его, остановить – однако в игре, которую Настя затеяла, требовалось не отступать и все время повышать ставки – и только тогда надеяться на то, что сорвешь первый приз.

* * *

Подруга ее Юля, более плотно, в физическом смысле, стоящая на земле, крепкая телом, южная, загорелая – она гораздо меньше корчила из себя недотрогу. И на пикнике в виноградниках, в виду блестящего синевой моря, на расстеленном одеяле, отдалась другу Артему по имени Андрей. А потом лежала у него на плече, водила пальчиком по груди и вопрошала:

- А у тебя в Москве кто-нибудь есть?
- Нет, – легко врал он.
- А ты меня с собой заберешь?
- Да, – столь же незастенчиво продолжал он обманывать ее.

* * *

Вечером того же дня, в номере частной гостиницы курортного поселка Гамма – гораздо более роскошном, нежели квартира, в которой жили девушки, – Артем говорил приятелю:

- Ты знаешь, друг мой ситный, я, пожалуй, женюсь на ней.
- На ком? На этой *тянке*?
- Н-да! – шутейным тоном, который лишь прикрывал всю серьезность его намерений, проговорил Артем. – На ней!
- Окстись! Зачем она тебе?! Жениться?! Только потому, что не дает?
- Ф-фу, поручик! Я не на шутку влюблен.
- Паяц!
- Нет, я правда женюсь.
- Дебил, да?
- Нет, не дебил! Совсем наоборот! Смотри: Настя умна? Да, умна. Природная хватка, быстрая реакция! Наверное, эдьюкейшена не хватает – но ничего, подучим. Зато другой вопрос: красива? Бесспорно! Вопрос третий: любит ли она меня? Практически да. Люблю ли я ее? Конечно! Вот тебе и все необходимые условия для долгой и счастливой семейной жизни. Любовь, природный ум и красота! А то, что она провинциалка, из бедной семьи и вообще, что называется, не нашего круга, – это ерунда! Тем больше будет ценить все, что я ей дам, и тем сильнее будет меня любить!
- Кремлевский, ептыть, мечтатель!
- Вот именно! Хочется мечты! Полета! Знаешь, надоели эти изнеженные, избалованные столичные девицы. – Он передразнил, изобразив такую ломаку-кривляку, как сам себе представлял: – «Ах, девочки, представляете, я позавчера сделала шеллак, и он у меня отслоился сразу на двух ногтях!» То ли дело Настя! Девушка из народа, явно живет своим собственным трудом, поэтому ценит (и будет ценить еще больше) те маленькие радости, что ей достаются – и которые я ей способен буду дать.
- Хм. А наследственность? Папаша у нее наверняка алкоголик. В такой-то дыре. Где они там живут? В станице Румяная Краснодарского края?
- Станица Красивая.
- А мамаша у нее кто?
- Почтальон.
- О да, прекрасная партия. Будущая тещенька – почтальон. И тоже, наверное, не прочь зашибить. Ну, и какими окажутся ваши дети?
- О чем ты говоришь, Андрэ! Наоборот! Настя ведь близка к земле, к корням! Пора разбавить нашу хилую интеллигентскую кровушку! Впрыснуть ей добрую дозу народности! Вернуться к истокам! Да, прадед мой стал большим человеком, с него великий род Кудряшовых

быть пошел. Личные шоферы завелись, няньки и гувернантки. А благодаря чему он, прадед, по жизни тогда, в тридцатые, пробился? Благодаря советской власти. Которая сделала всех равными и наделила одинаковыми возможностями. Вот он и совершил впечатляющую карьеру. Сам! Но он-то, Василий Николаич, член ЦК КПСС и Герой Социалистического Труда, из семьи свинопаса! С какой стати я теперь, ста лет не прошло, стану чваниться перед теми, кто в станицах живет?

– Ты отцу своему или матери о свадьбе заикнись. Услышишь, как они заорут.

– Ну, если умные люди – не заорут. А даже если заорут, моя жизнь – она моя, а ни разу не их. Мне ее и жить!

* * *

Видимо, здесь имеет смысл сделать паузу в плавном разворачивании нашего сюжета и познакомить читателей со славной историей семьи Кудряшовых, о которой только что краем упомянул самый младший ее представитель.

Для начала напомним, что в позапрошлом веке, девятнадцатом, в Российской империи существовали, как известно, *потомственные почетные дворяне*. Дворянство жаловалось в достаточной степени выдающемуся человеку – к примеру, художнику, или артисту Императорских театров, или лицу, окончившему курс наук в Российском университете. Такие особо заслуженные – пусть даже выходцы из крестьян или купцов – числились с того момента дворянами и детям своим звание передавали.

Однако старая Россия, сто лет назад, как известно, канула в Лету – вместе со своими сословными законами. В Советском государстве провозгласили равенство всех граждан и во всех отношениях. Но довольно быстро в СССР также стали складываться свои касты – разумеется, негласные. И появились, в том числе, советские бояре – чиновники, партийные руководители.

Вот и Артем, как уже дважды замечено, происходил из семьи *потомственных почетных советских дворян*.

Началось все, как правильно сказал молодой человек своему другу, с прадеда. (Его отец, прапрадед Артема, вообще ничего собой не представлял: бедняк, пьяница и свинопас.) Однако прадеда, Василия Николаевича Кудряшова, вихрь революции поднял из его села в Сибири, в Красноярском крае, заставил учиться и делать карьеру (как она в то время понималась).

Кудряшов, зачинатель династии, окончил рабфак, а затем, благодаря удачному происхождению (не из каких-нибудь дворян, пусть даже потомственных-почетных, а, наоборот, из крестьян), поступил в ВКП(б) и совпартшколу. А в конце тридцатых, когда репрессии косили всех подряд (а особенно ударяли по видным и выдающимся), очень удачно был взят на работу на место безвременно выбывших аж в обком партии. Образования и культуры ему не хватало – но что делать, не боги горшки обжигают! Когда страна, пелось в те годы, заставит стать героем, у нас героем становится любой¹¹.

И как пожар Москвы способствовал (как говорилось в хрестоматийной комедии) ее украшению¹², так сталинские чистки открыли перед прадедом широкую дорогу по партийной лестнице. Особых звезд прадед Кудряшов с неба не хватал; отличался, когда выпьет, буйным нравом – однако в нем имелось то качество, что во все века, от Римской империи через Борджиа, Ивана Четвертого и Петра, ценилось руководителями любых мастей, а именно: личная преданность. А также природный ум, хватка, организаторский талант и умение красиво и зажига-

¹¹ Неточная цитата из «Марша веселых ребят» (1934 г.) на стихи Василия Лебедева-Кумача: «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой».

¹² Точная цитата: «Пожар способствовал ей много к украшенью» (Александр Грибоедов, «Горе от ума»).

тельно выступать. И еще (возможно, главное): нюхом чуют и безошибочно выбирать нужных людей – кому эту самую преданность следует выказывать. В этом самый старший Кудряшов не прогадал. Ставку сделал, куда надо, а именно – на товарища Брежнева.

Познакомились они, правда, в годину (как писалось в советские времена) тяжелых испытаний. Когда началась война, Кудряшова мобилизовали. Однако стал он, как водилось в среде нового партийного дворянства, не каким-нибудь пехотинцем или артиллеристом, а политработником. Вот тут-то и случилось судьбоносное знакомство с будущим руководителем партии и правительства, верным ленинцем и многократным Героем Советского Союза и Социалистического Труда. Злые языки много позже, в последние советские годы, подло врали, что Кудряшов, дескать, был у Брежнева ординарцем, то есть денщиком: подшивал подворотнички и чистил сапоги. Но это, товарищи, наглая клевета. В ту пору будущий генсек служил начальником политотдела армии, а майор Кудряшов царил в политотделе полка (входившего в ту же брежневскую Восемнадцатую армию). Познакомились они на пресловутой, впоследствии неоднократно воспетой, Малой Земле, когда бровастый полковник обратил пристальное внимание на храброго, дельного и ушлого майора. Ведь помимо преданности вышестоящим майор, а впоследствии подполковник Кудряшов прославился в войну еще и личной храбростью. Однажды сам, лично поднимал бойцов в атаку, что для начальника политотдела полка вообще-то было странной и редкой удачей. И за это удостоился хвалебной заметки в «Красной Звезде» и устного выговора от Леонида Ильича: надо беречь себя, как важного партийного кадра!

Прадед также снискал известность свирепостью по отношению к дезертирам и насильникам, нескольких самолично расстрелял. За войну был в итоге награжден орденом Красной Звезды. Участвовал в Параде Победы на Красной площади.

После счастливого для СССР окончания Великой Отечественной он с покорной радостью последовал за всеми извивами судьбы своего патрона Брежнева: Украина, Молдавия, Казахстан. Самых высоких должностей не достаивался и к ним не стремился – третий секретарь обкома был его потолок. Но все равно ни ему, ни его жене или детям никогда не приходилось стоять в очередях, чтобы отоварить карточки. Или думать, где достать для пропитания младенца молока. Всегда был он (и семья) хорошо одет, сыт, получал допнаек, проживал в многокомнатной отдельной квартире с паровым отоплением и разъезжал с водителем на персональной машине. Словом, стал самым настоящим *советским дворянином* – звание, которое, как впоследствии выяснилось, в СССР начало передаваться по наследству. (Если только *дворянина*, конечно, не перемалывало в сталинской мясорубке. Или его дети и внуки не оказывались полными бездарями или нравственными уродами.)

Вот так Кудряшов потихоньку рос (вослед за Леонидом Ильичом), а когда тот в итоге в шестьдесят четвертом году стал главным советским руководителем, прадед нашего героя совсем оказался в шоколаде. Был вызван в Москву, получил на семью квартиру на Кутузовском проспекте, служебную дачу в Барвихе. И трудиться поставлен был не на самом главном направлении – в политбюро, секретариате или совмине, – а несколько сбоку: то завсектором ЦК КПСС, то министром того, то председателем госкомитета другого, то в госплане, то в гострое – и никогда больше ни в чем не знал нужды.

Безвременная смерть Леонида Ильича (последовавшая, напомним, в ноябре 1982-го) привела к довольно быстрой отставке Василия Николаевича Кудряшова – по возрасту и состоянию здоровья (как будто до того все в порядке у него было и с возрастом, и со здоровьем). Он дожил до горбачевских преобразований – но не успел увидеть их горьких плодов в виде распада СССР и кончины КПСС. Умер в восемьдесят седьмом году, в собесе, куда пришел хлопотать о прибавке к персональной пенсии, никем не узнанный.

Впрочем, к тому моменту он уже обеспечил, как мог, своих отпрысков. Надо заметить, что в позднесоветскую эпоху *обеспечить* детей означало далеко не только материальное благосостояние. Скорее предполагалось, что им следует дать хорошее и престижное образование

– самое хорошее и самое престижное! – а затем пристроить на хороший и престижный пост. Именно подобным образом, через должности и места службы, она и продлялась, эта линия *потомственного советского дворянства*. Тут имелось, правда, одно условие: молодому человеку (или девушке) следовало, помимо получения подходящего образования и должности, правильно жениться (или выйти замуж). В сущности, сын свинопаса и соратник Брежнева товарищ Кудряшов – он ведь был последним из фамилии, кто женился на прабабке Фекле по искренней и неподкупной любви. Всем его наследникам следовало держать в уме негласные сословные правила. Потенциальный партнер сына (дочери) подвергался внимательнейшей ревизии со стороны родителей. Негодные кандидатуры браковались решительно и беспощадно – вплоть до насильственного развода (как это случилось, кстати, с Галиной Брежневой, дочерью Леонида Ильича, которая посмела выскочить за Игоря Кио – мало того, что циркача, так еще и младше ее на пятнадцать лет!). Важным условием было, что советский дворянин должен избегать в качестве будущих жен-мужей представителей некоренной национальности. Еще можно было допустить украинцев либо белорусов – но вот представителей республик Прибалтики, Средней Азии, Закавказья или, тем паче, евреев – ни в коем случае. Кроме того, хорошо, если будущие свойственники будут ровней: лучше всего, теми же ответственными советскими или партийными работниками – в крайнем случае на ступень-другую ниже. Например, сын министра мог, безусловно, жениться на дочери начальника отдела или хотя бы завсектором в том же (или другом) министерстве. Дочь ответственного работника ЦК имела право выйти за сына труженика горкома или даже райкома. В крайнем случае, стиснув зубы, можно было допустить в фамилию простых учителей или врачей. Но вот брак с дочерью уборщицы или, к примеру, скотницы считался явным мезальянсом, вызовом, пощечиной общественному вкусу и практически никогда не допускался.

Сын родоначальника династии, вышеупомянутого Василия Кудряшова, Николай Васильевич (дедушка нашего героя Артема) все по жизни делал правильно. В пятидесятые годы он женился на дочери папиного сослуживца, окончил историко-международный факультет МГИМО. Потом пошел по дипломатической линии. Дорос, как карьерный дипломат, до звания посла.

Сын его (или отец Артема), с царским именем-отчеством Александр Николаевич, также довольно рано понял, что лучше всего приносить советской Родине пользу, будучи как можно дальше от нее. Он поступил, по папашиним стопам, в МГИМО и удачно просватался к Елене Анатольевне (маме Артема), родители которой подвизались по линии Министерства культуры и театральной критики. Когда Александр Николаевич в 1981 году благополучно окончил свой самый привилегированный вуз СССР, его отправили служить в приятных, небедных странах по европейскому направлению: Бельгия, Люксембург, Голландия, Швеция... Поэтому местом рождения нашего героя Артема значилась именно Швеция. И как раз появился он на свет в девяносто первом году – в то самое время, когда советская империя рухнула.

Однако дипломаты оказались нужны при любой власти, и, преодолев разброд и шатания времен Козырева (был такой, если кто не помнит, министр иностранных дел при Ельцине), папаша Артема все равно продолжал служить.

Правда, тут фортель выкинула Елена Анатольевна (мама Артема). Когда кончилась власть парткомов (и серьезно ограничились полномочия кадровиков), она однажды оставила супруга в стране пребывания, взяла в охапку сына, трехлетнего Артема, и вернулась на Родину.

Злые языки строили по поводу происшествия различные предположения – впрочем, недолго. Поговаривали, что Александр Николаевич в молодости славился редкостным, совершенно не дипломатическим пристрастием к дамскому полу. В поле его активности регулярно попадал технический персонал посольства, жены коллег и даже (когда началась ельцинская вольница) дамы из страны пребывания (в том числе легкого поведения). Супруга, как заведено

в среде советских дворянок, терпела это, терпела, а однажды сносить обиды перестала. Ни на какой развод подавать не стала, а просто уехала.

В России в девяносто четвертом году ей не понравилось. Было сложно. Не находилось работы, инфляция галопировала со скоростью двадцать-тридцать процентов *в месяц*, шли чередой бандитские *разборки* и *стрелки*, распоясалась уличная шелупонь. Но, осмотревшись, Елена Анатольевна поняла, что и в Москве жить можно. У советского потомственного дворянства даже после краха Советов оставались свои привилегии. Главная из них заключалась в связях, которые они наработывали не только собственноручно, но и получали от родителей, бабушек-дедушек, свекра со свекровью и прочих предков. Довольно скоро совместными усилиями Елена Анатольевна была устроена в один из тех заграничных банков, что в начальные девяностые наперебой устремились в объявившую о капитализме Россию. Женщина она была ответственная, имела профильное образование и знала два языка – что еще надо для успешной карьеры! Сыну Артему наняли няню. В итоге, сменив несколько мест работы, Кудряшова нашла свой идеал: да, она отчасти пожертвовала карьерой, работала, но не слишком перенапрягаясь – зато имела возможность проводить больше времени с сыном, образовывать его, читать книжки и рассказывать сказки на ночь.

Родители так и не развелась. Мать приезжала к отцу в страны его пребывания, привозила туда на побывку отпрыска. Потом, когда тот достаточно подрос, стала отправлять парня к папане за рубеж самостоятельно. В сущности, заботы о нем и хлопоты заменили ей собственную личную жизнь – произошла, как говорил товарищ Фрейд, сублимация. Как ни странно, и Александр Николаевич вдали от супруги не развернул свои амурные похождения во всю Ивановскую, а, наоборот, утишил. Может, и случался у него кто, но гораздо реже, чем прежде, когда он пребывал под бдительным оком жены. Во всяком случае, никто Елене Анатольевне ничего не доносил (а дипломатические колонии за рубежом – известный рассадник сплетен), и сын, вернувшись из-за границы, тоже ни про каких посторонних тетей в окружении папаши не докладывал.

А совсем недавно Александру Николаевичу подошла пенсия – его уволили из МИДа, и он вернулся в Москву. Здесь он тоже, как принято в среде советского дворянства, пусть и бывшего, не потерялся, немедленно пошел служить в какой-то то ли комитет, то ли подкомитет и лекции начал читать в высшем учебном заведении. Вроде бы и с супругой, Еленой Анатольевной, все стало налаживаться, после двадцати с лишним годков жизни врозь. А куда им еще деваться-то друг от друга на пороге старости!

Хоть все *советское* и кончилось почти одновременно с рождением Артема, и разбилось на сотни осколочков, у нашего героя, Кудряшова – самого младшего, тоже по жизни все было если не *лучшее*, то *достойное*.

Самое-то лучшее, что имелось в стране, к тому моменту захватили другие – парвеню, выскочки, нувориши. Они, разбогатевшие на нефти, газе, а то и на убийствах, теперь рассекали на пятидесятиметровых яхтах, проживали в особняках на *Лазурке* и учили своих детей в Йеле. Они были уверены, что все на свете можно купить при помощи денег, – и покупали.

Новорусских финансов у Кудряшовых не имелось – однако связи, пусть и в ряду *бывших*, до сих пор действовали. Поэтому Артем учился в одной из лучших столичных спецшкол, в совершенстве знал два языка. Вот только с дальнейшим образованием произошла *затыка*. По окончании школы он отверг привычный дедово-отцовский МГИМО. Да и к чему был теперь МГИМО? Кому нужен? Это в советские времена дипломат по сравнению с обычным гражданином был небожителем, потому что мог покупать японские магнитофоны, американские джинсы и автомобили «Лада» в экспортном исполнении (а простые инженеры – нет). А длительная командировка в какую-нибудь Зимбабве считалась раем небесным. Но теперь-то все переформатировалось. Что такое, спрашивается, нынче Зимбабве? Черная, жаркая страна. И

кто такой, спрашивается, дипломат? Да никто. Чиновник на службе государства. С не самой великой зарплатой.

Иное дело – молодой человек, что вдруг впишется в нефтяную или газовую сферу. Или, на худой конец, лесную, металлургическую или энергетическую. Тут и денег прорва – и, как следствие, почет и уважение. Но для этого иное, не мгимошное образование нужно. MBA требуется, *master of business administration*¹³.

Однако – нет. Артем отказался даже рассматривать новомодную высшую школу экономики. На образование за рубежом у Кудряшовых средств все-таки не нашлось. И стал он учиться всего-то на факультете журналистики МГУ, пусть и на международном отделении. Для непосвященных звучало круто, но посвященные морщились: что за образование – журналистика? Да чему там учат? Строчить пресс-релизы для скороспелых фирм?

Но *фенька* заключалось в том, что Артем с детства увлекся фотографией. Еще с тех пор, когда аппараты были пленочными, а проявляли и печатали карточки в специальных секциях «Кодак». Затем одним из первых в Москве он освоил *цифру* – и снимал, снимал, снимал... Любил это дело и хотел превратить его в профессию. И куда ему следовало поступать? Не в *кулек* же идти (как презрительно называли многие институт культуры)! А на журфаке хоть кафедра фотожурналистики есть. Вот Артем и выучился на журналиста (хотя официальных занятий по любимому фотodelу на факультете оказалось кот наплакал, но ходил на спецсеминары, на все возможные выставки, познакомился с профессиональными фотографами)... Таким образом, прервалась на Артеме династия дипломатических работников (вроде бы начавшая складываться в лице его деда и отца).

Да и вторая заповедь советского дворянина – жениться на *девушке из приличной семьи* – тоже в его лице давала трещину. Вечно он связывался (по мнению отца и особенно матери) с какими-то явно не достойными его созданиями. К примеру, поехал как-то году в две тысячи девятом в Нидерланды к папаше (тот еще служил) и слюбился с одной оторвой родом из Испании, лет тридцати, чуть ли не работницей сферы секс-услуг, не скрывавшей, что она употребляет на досуге марихуану... И даже жениться на ней намеревался! Еле родные его от нее отвадили!

Чуть что, так сразу предлагать девчонке руку и сердце – был в этом у Артема какой-то порок. Мать его, Елена Анатольевна, даже вздыхала вслух: «Слишком хорошо я воспитывала сына, слишком правильно!» На четвертом курсе в Англии, куда поехал по обмену, увлекся латышкой, тоже старше его, которая работала, подумать только, продавщицей! Пусть в «Харродсе» – но продавщицей же!

В дальнейшем случались у Артема и другие, пусть меньшие по масштабам и в смысле накала чувств-с, но аналогичные по уровню мезальянса романы и романчики. И все время его под венец тянуло, только успевала семья отваживать.

А эта фотография! Можно было смириться с ней, когда бы она увенчалась достойным рабочим местом где-нибудь в «Нэшнел Джоиграфик» или хотя бы в «Максиме». Так ведь нет! Стал Артем, как неприкаянный, бродить по свету, шелкать затвором, искать свой путь. Начал вести свой блог, довольно стремный. На реновацию наезжает, на чрезмерное столичное благоустройство. Денег, правда, у родителей не просит – хотя вот машину ему, «Ауди А-6», приобрели: пусть ездит на приличном и безопасном авто. (Хотя записали его, на всякий случай, на отца – которому приходили в результате многочисленные квитанции гаишных штрафов за превышение скорости.) А вообще, следовало признаться (делали свои выводы отец Александр Николаевич и мать Елена Анатольевна), что благородная советско-дворянская ветвь на Артеме, похоже, закончится. Растворится в результате новой сословной революции, начавшейся примерно в те годы, когда он появился на свет...

¹³ Магистр делового администрирования (*англ.*).

* * *

Родители – они вообще всегда думают о своих детях больше и чаще, чем наоборот.

Так и в нашем романе: в разговорах Артема его отец и мать вовсе не всплывали, в его душе и сердце занимали третье или даже пятое место. А вот Александр Николаевич и Елена Анатольевна Кудряшovy поминали ребеночка часто. И отнюдь не радовались, что он, в компании друга, на дорогом авто отправился на российские юга. Все-таки наша страна – место любимое, но непредсказуемое. Поехал бы лучше, как все, в спокойные страны Шенгенской зоны: Италию, Францию или Испанию. На худой конец, в безвизовую Турцию... Но Артем доказывал, что хочет ориентироваться на собственные финансы, денег с родителей предпочитает не тянуть – поэтому выбирает отечественное. Хотя, если разобраться и посчитать, Турция на круг вышла бы дешевле.

Звонками или скайп-сеансами сыночек не баловал, отделялся скупыми эсэмэсками. А чаще родители судили о том, где сын, все ли с ним в порядке и как он себя чувствует, по его живому журналу. Отец Александр Николаевич так и говорил матери: «Пишет, снимает, постит – значит, все в порядке». При том, что блог Артема становился в последнее время далеко не личным, а скорее общественным достоянием, и автор никогда не забывал, что каждый его пост как минимум пара десятков тысяч человек просмотрит – поэтому никаких себе сю-сю и пу-сю-сю не позволял. Не грузил читателей пустопорожней болтовней, типа: мы прибыли в курортный город X, ах, как здесь красиво, смотрите, какое море, а вот что мы ели на завтрак. Нет, его взгляд (и объектив) выхватывал нечто реально интересное широкому кругу: вот часовню поставили на самом морском берегу, у пляжа – довольно смешно смотрятся обнаженные люди рядом с золотом куполов. Или: вот тетенька мирно спит в кресле, прямо на обочине, под рукописной табличкой **Сдаются комнаты у моря**, из чего заинтересованные зрители могли сообразить: отдыхающие схлынули, на юге мертвый сезон...

Родители, Елена Анатольевна и Александр Николаевич, прилежные подписчики сынового блога, по этим и другим фото и заметкам делали вывод: слава богу, у Темочки все нормально, он здоров и, кажется, весел.

Они только не знали, что Кудряшов-младший (прекрасно представляя себе особенность *предков* судить о том, чем ребеночек занят и как себя чувствует, по его сетевому журналу) заранее наготовил, что называется, «консервов». А именно: наделал вперед снимков и подписей к ним, а потом задал интернетскому автомату команду: размещать их по одному каждый день.

А сам – ни к компьютеру, ни к фотоаппарату не прикасался.

Был полон морем, солнцем и своею новой любовью – Настей.

* * *

Капитан полиции Кирилл Косаткин

Задувал сильный «моряк» – то есть ветер с моря, и водная стихия бурлила. Волны накатывались с неправильными промежутками, без никакой системы. Брызги и мелкая пыль иногда долетали, через всю полоску пляжа, до кабинок для переодевания. Гул стоял преизрядный. Накат, шипя, выбрасывал на берег камни, а потом утягивал их за собой в глубину. Немногочисленные курортники, сидевшие на топчанах, кутались кто в свитера, кто в полотенца, а иные в куртки.

Гражданин терпила Порфеев сам вычислил меня и подошел. Я хоть и был одет по гражданке, зато, наверное, единственный, кто аккуратно причесан, в отутюженной рубашке и цивильных ботинках.

– Давайте, рассказывайте.

- Что вас интересует?
- Во-первых, как вам показалось: эти деффки, злодейки – они местные?
- В смысле, уроженки курортного поселка Каравайное?
- Да и вообще – с Кубани ли?
- Нет, они, скорей, не здешние.
- С чего вы взяли?

Он пожал плечами:

– Не знаю, почему-то кажется. Понимаете, если б они тут жили, их бы здесь знали. В кафе – официант, бармен, тапер.

- Может, они в сговоре с преступницами состояли?

Я своими вопросами, что называется, «бил по квадратам». Спрашивал то о том, то о сем. А мой визави, чувствовалось, глубоко свои ответы заранее продумал – видно, что немало времени провел (может, и бессонные ночи), перекаывая в уме то, что с ним приключилось. Да и спрашивали его уже об этом (я надеюсь) местные полицейские.

– Не похоже на сговор. Обслуга с преступницами так обращалась, будто первый раз видит. Потом, кафе открытое, мимо по набережной все время люди ходят. Но никто им не улыбнулся, не поздоровался, руку приветственно не поднял. Затем мы в магазин заехали, спиртное покупали – продавщица тоже на них смотрела, как на новые ворота. А поселок маленький, все друг друга знать должны.

- Стало быть, вы считаете – гастролерши?
- Наверное. Но вряд ли издалека. Они откуда-то из края. Или, по крайней мере, с Юга.
- Почему вы так решили?
- Кажется мне. Опять-таки акцент. «Гэ» говорят как южанки.
- Может, украинки?
- Тоже вряд ли. У тех было бы больше диалекта, собственных словечек.
- А как эти деффки друг к другу обращались? По именам?
- Нет. Никак. Они вообще почти не говорили друг с другом.
- Может, вообще только что скорешились – чисто ради дела?
- Нет, наоборот. Скорее, понимают одна другую с полуслова.
- Из чего вы это заключили?
- Не знаю. Почувствовал.
- Хороший из вас свидетель, – искренне похвалил его я. – Многое приметили.
- Я не свидетель, – грустно усмехнулся он. – Я потерпевший.
- Давайте съездим в отдел, попробуем составить субъективные изображения преступниц – то есть, как говорят в народе, фотопортреты. Я на машине.
- А я вот – больше нет.

В тепле моего авто, когда мы ушли наконец от резкого морского ветра, терпила стал изливаться:

– Вы не подумайте, что раз у меня «Лексус» и отдыхаю я в санатории, я миллионер и коррупционер. У меня просто тесть богатый. Он мне тачку и подарил. И вы представьте теперь, что я ему скажу. И как он на меня посмотрит. Поэтому остается Бога молить, чтобы до него не дошло, при каких обстоятельствах я тачки лишился.

- Зачем тогда заяву в полицию писали?

– Дурак был, – искренне высказался он. – Думал, что девчонки просто взяли покататься да потом бросили тачку, а как я ее в таком случае без полиции найду?

– Сразу скажу, – ухмыльнулся я, – мы по месту прописки закладушек о неприглядном поведении граждан не рассылаем. Если только сами проболтаются. Но когда, даст бог, пришлют вам повестку в суд, давать показания – как оправдаетесь перед женой и тестем?

– Пусть бы прислали! Я там найду что соврать. Очень уж охота на этих засранок поглядеть. А еще лучше подвесить их обеих за ноги – и выпороть розгами, смоченными в скипидаре. Сколько им светит хоть, если найдете?

– Мало не покажется, уверяю вас.

– Да вы ведь не найдете.

– Посмотрим, сказал слепой.

* * *

– Мама, я женюсь.

– Слава богу! Наконец-то! Тебе понадобилось уехать, чтобы все-таки понять, что Кристина создана для тебя!

Разговор происходил по скайпу, и с одной стороны перед интернет-камерой находился уже известный нам Артем Кудряшов, а с другой – персонаж, с которым мы знакомы только заочно, – его мама Елена Анатольевна. И хоть мы наблюдаем ее не в натуральном, так сказать, виде, а на экране монитора, надо заметить, что дама эта – не из тех, о которых говорят *со следами былой красоты*. Нет! Она выглядит именно *красивой* – хотя и лет ей, конечно, под пятьдесят. Видно, что женщина тщательно следит за собой, ухожена, подтянута (во всех смыслах последнего слова). Внимательный наблюдатель мог бы разглядеть также свежую укладку, маникюр, кулон с бриллиантами на золотой цепочке.

В тот момент, когда женщина упоминает некую Кристину, ее собеседник, сын, слегка зависает, словно компьютерная программа дает на секунду сбой. Потом он говорит, слегка усмехаясь и, вероятно, усмешкой маскируя смущение:

– Прости, мам, но это не Кристина.

– А кто же? – доносится из уст матери выкрик изумления и негодования.

– Я встретил девушку. Здесь.

– Ну, ты даешь! И кто она?

– Молоденькая. Очень хорошенькая. Зовут Настя.

– Откуда родом? Из какой семьи? – В тоне матери априори звучит предубеждение против девушки: мол, разве может ее сын познакомиться с кем-то приличным и достойным, да еще не, допустим, на Сардинии, не в Лондоне, а на российском Юге! Артем слышит в интонациях родительницы это изначальное недоброжелательство и начинает потихонечку заводится:

– Ах, ну мама! Какое это имеет значение! Кто она, из какой семьи!

– Большое! – со всей убежденностью произносит Елена Анатольевна. – Очень даже большое! Ты сам знаешь, как важно, чтобы будущая избранница была человеком одного с тобой *круга*. Ведь в случае мезальянса можно погубить все: и себя, и нас с отцом, и будущих детей!

– При чем здесь вы с отцом! А тем более будущие дети!

– Как – при чем?! Ты что же, хочешь, чтоб твой будущий сын или дочка были умственно неполноценными? Дебилами? Даунами – или носителями другой наследственной болезни?!

– Наследственные болезни, если ты не в курсе, происходят как раз оттого, что люди *одного круга* друг с другом пережениваются и никого посторонних в свой круг не пускают. Судьба наследника царского престола Алексея Николаевича с гемофилией – тому пример.

– Ты мне царскими наследниками зубы не заговаривай! Давай скажи лучше: откуда родом девушка и кто ее родители?

Артем чувствует, что интерес матери вполне законный, претензии – отчасти тоже, а он никак не может их удовлетворить, поэтому начинает сердиться и повышать голос:

– Мама! Какое это имеет значение!

– Большое, – тверда Елена Анатольевна. – Очень даже большое.

– Ну, она сирота... – через силу говорит молодой человек.

Собеседница смотрит на него с ужасом и еле удерживается от критического замечания. А сын нехотя продолжает:

– Ее вырастила и воспитала тетя.

– И кто у нас тетя?

– Почтальон.

– Хорошая профессия! Очень нужная людям и, главное, денежная. Газпром отдыхает!

– А я, если хочешь знать, ни за каким приданым не гонюсь!

– Да это мы с отцом уж знаем! – саркастически восклицает мать. – Хорошо знаем! С милым рай и в шалаше, только в вашем случае шалаш – это наша с отцом четырехкомнатная квартира на Кутузовском, между прочим, проспекте Москвы!

– Мы жить будем от вас отдельно, – спешит оповестить Артем.

– Но, я надеюсь, все-таки в столице нашей Родины? Поближе к цивилизации и удобствам?

Или, может, ты к невестушке переедешь? Откуда она, кстати?

– Из здешних краев, – нехотя цедит сын. – Станица Красивая Краснодарского края.

– Замечательно! – со всем возможным сарказмом восклицает мать. – Станица Красивая!

Лучше не придумаешь! Значит, вы с ней будете теперь «красавчег»?!

– Мама, сбавь, пожалуйста, свой тон!

– А ты, пожалуйста, перестань бредить! И немедленно возвращайся в Москву!

– Хватит, мама, мной командовать!

– А ты – перестань сходить с ума!

– Мама! Я взрослый человек! И я делаю то, что хочу! Скажи вообще спасибо, что я тебе звоню и сообщаю. Мог бы и вовсе не...

– Ах, как это благородно с твоей стороны, что ты позвонил!

– Ладно, мама, твой сарказм мне надоел хуже горькой редьки. До свидания.

И Артем в сердцах разорвал соединение.

* * *

Этот вечерний видеосеанс имел последствия в виде двух разговоров лицом к лицу, что состоялись, соответственно, на Черноморском побережье и в столице.

В первом приняли участие Артем и его друг Андрей.

– Мать не хочет, чтобы я женился, – мрачно известил приятеля первый.

– Ты знаешь, я ее почему-то понимаю.

– А я хочу – и буду с Настей! Правильно ведь говорят: «сердцем чую» или «сердцу не прикажешь». Так и тут. Вот чувствую я: она – моя. Та, что послана мне судьбой. И плевать мне на все и всяческие условности! Кто она родом, откуда – из станицы, райцентра, кто ее родители и прочее. Да, мезальянс. Пусть мезальянс! Тем лучше! Я ведь в нем стою на более высокой ступени, правда? Вот и подтащу девушку до своего уровня!

– Или она тебя низведет до своего, – спокойно, с легкой усмешечкой заметил соратник.

– И ты, Брут! Тоже будешь меня отчитывать и воспитывать, как мать?

– Нет, я целиком и полностью на твоей стороне. Может, и сам хотел бы оказаться на твоём месте. Тайны брачные постели и все такое. Но зачем? Мне моя Юлька и безо всякой женитьбы дает. Может, тебе имеет смысл поработать в этом направлении?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.